

КОРМАК МАККАРТИ

КРОВАВЫЙ МЕРИДИАН,

или
Закатный багрянец на западе

Невероятное достижение... Своего рода смесь
Дантова «Ада», «Илиады» и «Моби Дика».

ДЖОН БЭНВИЛЛ
(лауреат Букеровской премии)

Кормак Маккарти

**Кровавый меридиан, или
Закатный багрянец на западе**

«Азбука-Аттикус»

1985

Маккарти К.

Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе /
К. Маккарти — «Азбука-Аттикус», 1985

ISBN 978-5-389-02717-6

Кормак Маккарти – современный американский классик главного калибра, лауреат Макартуровской стипендии «За гениальность», мастер сложных переживаний и нестандартного синтаксиса, хорошо известный нашему читателю романами «Старикам тут не место» (фильм братьев Коэн по этой книге получил четыре «Оскара»), «Дорога» (получил Пулицеровскую премию и также был экранизирован) и «Кони, кони...» (получил Национальную книжную премию США и был перенесен на экран Билли Бобом Торнтоном, главные роли исполнили Мэтт Дэймон и Пенелопа Крус). Но впервые Маккарти прославился именно романом «Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе», именно после этой книги о нем заговорили не только литературные критики, но и широкая публика. Маститый англичанин Джон Бэнвилл, лауреат Букера, назвал этот роман «своего рода смесью Дантова „Ада“, „Илиады“ и „Моби Дика“». Главный герой «Кровавого меридиана», четырнадцатилетний подросток из Теннесси, известный лишь как «малец», становится героем новейшего эпоса, основанного на реальных событиях и обстоятельствах техасско-мексиканского пограничья середины XIX века, где бурно развивается рынок индейских скальпов... Впервые на русском.

ISBN 978-5-389-02717-6

© Маккарти К., 1985
© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

I	6
II	13
III	21
IV	30
V	38
VI	50
VII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кормак Маккарти

Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе

Идеи ваши пугают, и вы слабы душой. Ваши поступки, продиктованные жалостью и жестокостью, лишены смысла, ибо свершаются в смятении, будто по неодолимому зову. И наконец, вы все больше боитесь крови. Крови и времени.

Поль Валери

Не следует считать, будто жизнь тьмы объята страданием и потеряна, словно в скорби. Скорби нет. Ибо печаль поглощена смертью, а смерть и умирание и есть жизнь тьмы.

Якоб Бёме

Кроме того, Кларк, в прошлом году возглавлявший экспедицию в район Афар в Северной Эфиопии, и Тим Д. Уайт, его коллега из Калифорнийского университета в Беркли, заявили, что при повторном обследовании найденного ранее в том же районе ископаемого черепа, возраст которого исчисляется 300 000 лет, обнаружены признаки скальпирования.

Газета «Юма дейли сан», 13 июня 1982 года

«Кровавый меридиан» – высочайшее эстетическое достижение современной американской литературы. Ни один другой из наших классиков, даже Пинчон, не создал ничего столь же незабываемого.

Гарольд Блум (The New York Observer)

«Кровавый меридиан» – классический американский роман о воскресении через насилие. Маккарти можно сравнить с величайшими нашими классиками, Мелвиллом и Фолкнером, и этот роман – его главный шедевр.

Майкл Херр

Каждая страница «Кровавого меридиана» изложена неповторимым авторским голосом... Маккарти не столько пытается понять природу зла, сколько фиксирует его неизъяснимую реальность.

The New York Times

Автор хочет поблагодарить Фонд Линдхёрста, Мемориальный фонд Джона Саймона Гугенхайма, а также Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартур. Он также выражает признательность Альберту Эрскину, своему редактору, с которым работает уже двадцать лет.

I

Детство в Теннесси – Уход из дома – Новый Орлеан – Драки – В него стреляют – В Галвестон – Накогдочес – Преподобный Грин – Судья Холден – Скандал с дракой – Тоудвайн – Поджог постоянного двора – Побег

Вот он, это дитя. Он бледен и тощ, в тонкой и драной полотняной рубаше. Ворошит огонь на кухне. За окном темные вспаханные поля с лохмотьями снега, а дальше – еще более темный лес, где пока находят пристанище последние волки. Племя его рубит дрова и черпает воду¹, но вообще-то его отец – школьный учитель. Отец лежит пьяный и бормочет стихи поэтов, чьи имена позабыты. Мальчик съежился у огня, наблюдает за отцом.

Ночь, когда ты родился. В тридцать третьем. Леониды, вот как их называли. Господи, ну и звездопад тогда случился². Я все искал черноту, дырки в небесах. На этой кухонной плите с ковшом Большой Медведицы.

Четырнадцать лет матери нет в живых – тот, кого она выносила, свел ее в могилу. Отец никогда не произносит ее имени, и дитя не знает, как ее звали. В этом мире у него есть сестра, которую ему больше не суждено увидеть. Он смотрит, не отрываясь, бледный и немый. Он не умеет ни читать, ни писать, и в нем уже зреет вкус к бессмысленному насилию. Лицо его – сама история, это дитя – отец человечества.

В четырнадцать он сбегает из дому. В его жизни больше не будет промозглой кухни в предрассветной мгле. Никаких дров и лоханей. Он отправляется на запад, аж до Мемфиса, одинокий путник на плоском пасторальном ландшафте. Негры в полях, худые и сутулые, пальцы их – как пауки среди коробочек хлопка. Тайное моление. На фоне блекнувших солнечных фигур, которые движутся на бумажном горизонте в не поспевающих за ними сумерках. Одинокий темный силуэт землелаша бредет с бороной за мулом по омытой дождями долине к ночи.

Год спустя – Сент-Луис. До Нового Орлеана его подбрасывают на плоскодонной барже. Сорок два дня по реке. По ночам гудят и тяжело шлепают мимо по черной воде пароходы, все в огнях, точно плавучие города. Плавание заканчивается, лес идет на продажу, а он выходит на улицы города и слышит наречия, каких раньше слышать не доводилось. Он живет в комнатухе, выходящей во двор за баром, а по вечерам, словно чудище из сказки, спускается, чтобы подраться с моряками. Сам он невелик, но запястья большие, руки тоже. Крепкие плечи. Удивительно, но на покрытом шрамами лице сохранилось то же детское выражение, а глаза светятся странной невинностью. Дерутся здесь кулаками и ногами, в ход идут бутылки и ножи. Люди самого разного рода и племени. Есть такие, что не говорят, а лопочут, как обезьяны. Некоторые из краев до того далеких и чудных, что, когда стоишь над телами, истекающими кровью в грязи, такое чувство, будто отстоял все человечество.

Как-то вечером боцман с Мальты стреляет ему в спину из маленького пистолета. Повернувшись, чтобы разобраться с ним, он получает еще одну пулю чуть ниже сердца. Боцман убегает, а он облакачивается на стойку бара, и по рубашке бежит кровь. Остальные отворачиваются. Постояв, он сползает на пол.

Две недели он валяется на койке в комнатухе наверху, и за ним ухаживает жена владельца бара. Она приносит еду, убирает нечистоты. Суровая женщина, жилистая, как мужик.

¹ Нав 9: 23. – Здесь и далее примеч. перев.

² Леониды – метеорный поток, появляющийся в ноябре со стороны созвездия Льва. Во время метеорного дождя 1833 г. в течение часа, по некоторым оценкам, наблюдалось более 100 000 метеоров.

Он идет на поправку, но платить уже нечем, вечером он уходит, ночует на берегу реки, пока один пароход не берет его на борт. Пароход идет в Техас.

Лишь теперь дитя окончательно перестает быть тем, прежним ребенком. И происхождение его, и судьба так далеки, что сколько бы ни обращался мир, не бывать больше таким земным пределам, диким и жестоким, где пытались бы сформовать сырье творения по своему усмотрению или выяснить, не из глины ли его сердце. Пассажиры все какие-то оробелые. Прячут глаза, и никто не поинтересуется, что привело сюда других. Он спит на палубе – странник среди странников. Смотрит, как поднимается и опадает расплывчатый берег. На него таращатся серые морские птицы. Над серыми волнами тянутся к берегу стаи пеликанов.

Поселенцы со своими пожитками пересаживаются на шаланду и разглядывают низкий берег, тонкую песчаную излучину и купающиеся в дымке виргинские сосны.

Он идет по узким улочкам порта. В воздухе пахнет солью и свежераспиленным деревом. Вечером, словно неприкаянные души, его окликают из темноты проститутки. Проходит неделя, и он опять в пути – заработав несколько долларов, он шагает теперь дорогами южной ночи, сжимая кулаки в карманах дешевой куртки. Насыпные дамбы через болото. Цапли на гнездовьях, белые, как свечи среди мха. Колючий ветер оставляет размеренный шаг у обочины и вприпрыжку мчится дальше по ночным полям. Дальше на север, через мелкие поселения и фермы, нанимаясь за поденную плату, еду и кров. В одной деревушке на перекрестке дорог он видит, как вешают отцеубийцу, – друзья подбегают к повешенному, тянут его за ноги, а он, уже мертвый, висит в петле, и его штаны темнеют от мочи.

Работает на лесопилке, работает в дифтерийном бараке. У одного фермера берет в уплату немолодого мула и весной тысяча восемьсот сорок девятого, миновав приснопамятную республику Фредонию³, прибывает в городок Накогдочес.

* * *

Пока шли дожди, на проповеди преподобного Грина каждый день собирались целые толпы, а дожди шли уже две недели. Когда малец нырнул в потрепанную брезентовую палатку, там еще можно было приткнуться у стены, а от мокрых немых тел стояла такая жуткая вонь, что люди то и дело пулей вылетали под проливной дождь глотнуть свежего воздуха, пока ливень не загонял их обратно. Встал у задней стенки, среди таких же, как он. От прочих он отличался лишь тем, что был безоружен.

Друзья мои, вещал преподобный, он не мог не появиться в такой черт... черт... чертовой дыре, здесь, в Накогдочесе. Я обратился к нему и спросил: берешь ли ты с собой Сына Божия? И он ответил: о нет, не беру. И я сказал: разве не знаешь ты сказанного Им – «последую за вами во все дни, даже до конца пути»?⁴ Да ладно, сказал он, я ж никого не прошу со мной идти. И я сказал: друг мой, ни о чем просить не надо. Он будет с тобой, куда бы ты ни направил стопы твои, просишь ты или нет. Избавиться от Него не удастся, друг мой, сказал я. Так вот. Значит, ты потащишь его – Его – с собой в эту дыру?

Видал, чтоб здесь так поливало?

Малец смотрел на священника. Теперь обернулся к тому, кто произнес эти слова. Длинные усы, как у погонщиков скота, широкополая шляпа с невысокой круглой тульей, чуть косящие глаза. Он глядел на мальчика со всей серьезностью, будто и впрямь желал знать его мнение.

Я здесь недавно, сказал малец.

³ Независимую от Мексики Республику Фредония собирались провозгласить в Техасе недалеко от Накогдочеса переселенцы из США, сформировавшие в декабре 1826 г. комитет по независимости. В конце января они отступили под натиском мексиканских войск.

⁴ Парафраз на Мф 28: 20.

Ну, а я такого что-то не припомню.

Малец кивнул. В палатку вошел человек в непромокаемом плаще и снял шляпу. Лысый, как бильярдный шар, без намека на бороду, без бровей и ресниц. Великан, почти семь футов, он стоял, попыхивая сигарой даже в этом кочевом доме Божиим, да и шляпу снял, похоже, лишь затем, чтобы стряхнуть дождевые капли, поскольку тут же надел ее снова.

Священник умолк. В палатке повисла тишина. Все смотрели на вошедшего. Тот поправил шляпу, потом протиснулся к сколоченной из ящиков кафедре, за которой стоял преподобный, и повернулся, чтобы обратиться к его пастве. Лицо невозмутимое, какое-то даже детское. Маленькие руки. Он простер их перед собой.

Леди и джентльмены, считаю своим долгом поставить вас в известность, что человек, выступающий здесь как проповедник, – самозванец. У него нет бумаг ни от одной церкви – официально признанной или же нет. Он никоим образом не соответствует занимаемой им незаконно должности и выучил лишь несколько отрывков из Писания, дабы придать своим жульническим проповедям налет противного ему благочестия. Собственно говоря, джентльмен, что стоит сейчас перед вами, изображая из себя слугу Господа, абсолютно неграмотен и к тому же разыскивается властями штатов Теннесси, Кентукки, Миссисипи и Арканзас.

О боже! воскликнул священник. Ложь, ложь! И стал лихорадочно читать что-то из раскрытой Библии.

В последнем из множества предъявленных ему обвинений фигурирует девочка одиннадцати лет – я сказал, одиннадцати, – которая доверчиво пришла к нему. Его застали за актом насилия над ней, причем он был в одеянии священника.

По толпе пронесся стон. Одна дама рухнула на колени.

Это он! вскричал священник, всхлипывая. Это он! Дьявол. Се, предстал перед нами.

Повесить говнюка, выкрикнул из задних рядов какой-то мерзкий громила.

Всего тремя неделями ранее его выгнали из Форт-Смита в Арканзасе за совокупление с козой. Да, дама, именно так. С козой.

Да будь я проклят, если не пристрелю этого сукина сына, слышался голос у дальней стены. Говоривший поднялся, вытащил из сапога пистолет, прицелился и выстрелил.

Выхватив из-под одежды нож, косоглазый погонщик миглом распорол брезент и выскочил под дождь. Малец шмыгнул за ним. Низко пригнувшись, они побежали по грязи к постоялому двору. В палатке вовсю шла стрельба, в брезенте прорезали уже с десятков отверстий, и оттуда, спотыкаясь, валил народ. Визжали женщины, кого-то уже затоптали в грязь. Добравшись до галереи постоялого двора и вытерев мокрые лица, малец и его приятель оглянулись. У них на глазах палатка закачалась, изогнулась и огромной раненой медузой потихоньку осела, волоча по земле обрывки брезентовых стен и драные растяжки.

Когда они вошли в бар, лысый был уже там. На полированной деревянной стойке перед ним лежали две шляпы и две пригоршни монет. Он поднял стакан, но не для того, чтобы приветствовать вошедших. Подойдя к стойке, они оба заказали виски. Когда малец положил перед барменом деньги, тот отпихнул их большим пальцем и кивнул на лысого.

Тут пьют за счет судьи.

Они выпили. Погонщик поставил стакан и взглянул на мальчика. А может, и не взглянул: глаза такие, что и не поймешь. Малец посмотрел на судью за стойкой. Высокая – не каждый локти на нее поставит – судье она была по пояс. Он стоял, положив ладони на деревянную столешницу и слегка наклонившись, будто собирался произнести еще одну речь. В дверь ввалилась, чертыхаясь, толпа людей, перепачканных кровью и грязью. Они сучились вокруг судьи – собрать отряд для погони за проповедником.

Судья, откуда у тебя улики на этого козла?

Улики? переспросил судья.

Ты в Форт-Смите когда был?

В Форт-Смите?

Откуда ты все о нем знаешь?

О преподобном Грине?

Да, сэр. Ты ведь, я понимаю, из Форт-Смита к нам приехал.

Я в жизни не бывал в Форт-Смите. И он там, скорее всего, тоже не бывал.

Народ переглянулся.

Откуда же ты тогда его знаешь?

Я этого человека в глаза не видел до сего дня. И никогда о нем не слышал.

Он поднял стакан и выпил.

Воцарилась странная тишина. Люди походили на изваяния из грязи. Наконец один засмеялся. Потом другой. Вскоре все уже дружно хохотали. Кто-то купил судье выпивку.

* * *

Когда малец познакомился с Тоудвайном, дождь лил уже шестнадцать дней подряд и переставать не собирался. Жил малец в том же салуне и все деньги пропил – осталось два доллара. Погонщик уехал, комнатуха опустела. Через открытую дверь было видно, как дождь заливает пустырь за постоялым двором. Он допил стакан и вышел. По доскам, проложенным в грязи, он направился через пустырь к отхожему месту, ориентируясь по тусклой полоске света из двери. Навстречу ему кто-то шел, и они встретились на середине узких мостков. Стоявший перед ним слегка покачивался. Мокрые поля шляпы спереди были заколоты, а в остальных местах свисали на плечи. В руке у него болталась бутылка. Убирайся-ка ты лучше с дороги, проговорил он.

Малец уступать дорогу не собирался и счел, что спорить нет нужды. И двинул ему в челюсть. Тот свалился, но тут же вскочил. Убью, произнес он.

И пустил в ход бутылку, но малец пригнулся; замахнулся бутылкой снова, но малец отступил. Ударив сам, малец получил бутылкой в скулу. Бутылка разбилась. Он рухнул в грязь, а его противник рванулся за ним с «розочкой», метя в глаз. Малец старался защитить лицо, и все руки у него были скользкие от крови. Он никак не мог дотянуться к сапогу за ножом.

Убью гада, промычал его противник. Они топтались в темноте по пустырю, кружа друг перед другом бочком и потеряв в грязи сапоги. В руке у мальчика теперь был нож. Когда противник пошел на него, малец распорол ему рубаху. Отбросив «розочку», противник выхватил из ножен за спиной громадный «боуи»⁵. Шляпа у него слетела, сальные черные локоны развевались, а угрозы свелись к одному слову «убью», которое он твердил на все лады, как помешанный.

Вдоль мостков уже стояли зеваки. Вот это удар, одобрил один.

Убью, убью, твердил длинноволосый, еле ворочая языком и с трудом переставляя ноги по грязи.

Но по пустырю широкой поступью надвигался кто-то со здоровенной дубиной в руках, и сапоги его чавкали, точно корова. Первым на его пути оказался малец, и после взмаха дубины он рухнул ничком в грязь. Тут бы ему и конец, не переверни его кто-то навзничь.

Когда он очнулся, было светло, дождь перестал, и над ним склонилось лицо длинноволосого. Тот был весь в грязи и что-то говорил.

Что? переспросил малец.

Я говорю, ну что, квиты?

Квиты?

⁵ «Боуи» – длинный охотничий нож, изобретенный героем Техасской революции Джимом Боуи (1796 – 1836) и популярный среди покорителей Фронтiera.

Квиты. Потому как если хочешь огрести еще, то, черт побери, точно получишь.

Малец посмотрел в небо. Там, в вышине, малюсенькой точкой кружил гриф. Перевел взгляд на длинноволосого. У меня что, шея сломана? спросил он.

Тот оглядел пустырь, сплюнул и снова уставился на мальчика. Что, не встать?

Не знаю. Не пробовал.

Не хотел ломать тебе шею.

Ну да, как же.

Прикончить тебя хотел.

Пока что это никому не удалось. Уперев растопыренные пальцы, малец приподнялся. Длинноволосый сидел на досках, рядом лежали его сапоги. Кажись, цел, заключил он.

Малец одеревенело озирался. А мои где?

Длинноволосый прищурился. С лица у него слетали хлопья засохшей грязи.

Если кто мои сапоги стащил, убью сукина сына.

Вроде вон там один валяется.

Прочавкав по двору, малец вернулся с сапогом. Потом стал бродить кругами, ощупывая похожие на сапог комья грязи.

Твой нож?

Длинноволосый вгляделся.

Кажись, мой.

Малец бросил ему нож, тот нагнулся, поднял и вытер огромное лезвие о штанину. Думал, сперли тебя, сообщил он ножу.

Найдя второй сапог, малец снова уселся на доски. Руки казались огромными от налипшей грязи, он потер одну о колено и уронил снова.

Они сидели бок о бок и смотрели на пустырь. По краю пустыря шла ограда из штакетника, за ней мальчишка набирал воду из колодца, по двору разгуливали куры. Из двери салуна вышел человек и направился в отхожее место. Остановился перед ними, посмотрел и шагнул в грязь. Через некоторое время вернулся, снова ступил в грязь, чтобы обойти их, и зашагал по мосткам дальше.

Малец взглянул на длинноволосого. Голова странная, узкая, волосы от грязи слиплись в какую-то нелепую примитивную прическу. На лбу выжжены буквы «ХТ», а ниже, почти между глаз – «Ф»⁶, и все буквы косые и яркие, словно клеймо передержали. Длинноволосый повернулся, и малец заметил, что у того нет ушей. Длинноволосый встал, сунул нож в ножны и пошел по мосткам, держа сапоги в руке. Малец тоже поднялся и побрел за ним. На полпути к постоялому двору длинноволосый остановился, бросил взгляд на жидкую грязь вокруг, потом сел на доски и натянул сапоги прямо на грязные ноги. Затем встал, похлопал через пустырь и что-то подобрал.

Глянь-ка сюда, хмыкнул он. Вот черт, это ж моя шляпа.

Может, и шляпа, не разберешь, какая-то дохлятина. Длинноволосый отряхнул ее, напялил на голову и пошел дальше, а малец последовал за ним.

Баром назывался длинный узкий зал, обшитый лакированными досками. У стены столы, на полу плеватальницы. Посетителей не было. Когда они вошли, бармен поднял голову, а негр, подметавший пол, приставил метлу к стене и удалился.

Где Сидни? осведомился заляпанный грязью длинноволосый.

Дрыхнет небось.

Они проследовали дальше.

Тоудвайн, окликнул бармен.

Малец оглянулся.

⁶ Буквы «Х» и «Т» – инициалы Тоудвайна, буквой «Ф» (фелония) клеймили совершивших тяжкое преступление.

Бармен вышел из-за стойки и смотрел им вслед. Они прошли через вестибюль к лестнице, оставляя за собой на полу куски грязи разной формы и величины. Когда они уже поднимались, портье перегнулся через конторку и окликнул:

Тоудвайн.

Тот остановился и оглянулся.

Он тебя пристрелит.

Старина Сидни?

Старина Сидни.

Они стали взбираться дальше.

Наверху начинался длинный коридор с окошком в торце. Покрытые лаком двери вдоль стен теснились плотно, будто за ними скрывались чуланы. Тоудвайн дошел до конца коридора. У последней двери прислушался и взглянул на мальчика.

Спички есть?

Малец порылся в карманах и вытащил ломаный и засаленный деревянный коробок.

Тут растопка нужна. Длинноволосый взял коробок, доломал и сложил обломки у двери. Чиркнул спичкой и поджег. Затем просунул костерок под дверь и добавил спичек.

Он внутри? спросил малец.

Вот сейчас и поглядим.

Показался темный завиток дыма, лак занялся голубым пламенем. Они присели на корточки и стали смотреть. У обоих был такой вид, будто их вытащили из болота. Тоненькие огненные язычки лизали обивку и снова ныряли под дверь.

А теперь постучи, велел Тоудвайн.

Малец поднялся. Тоудвайн тоже встал и прислушался. За дверью потрескивало пламя. Малец постучал.

Стучи громче. Этот тип пьет будь здоров.

Малец пять раз шарахнул по двери кулаком.

Черт, пожар, послышался голос.

А вот и он.

Они еще подождали.

Горячая, сука, сказал тот же голос. Потом ручка повернулась, и дверь открылась.

Тот, кого звали Сидни, стоял в одних подштанниках, держа в руке полотенце, которым брался за нагревшуюся ручку. Увидев их, он метнулся было обратно в комнату, но Тоудвайн ухватил его за шею, повалил и, держа за волосы, начал выдавливать ему большим пальцем глаз. Сидни схватил руку Тоудвайна и укусил.

Врежь-ка ему по зубам, крикнул Тоудвайн. Ногой врежь.

Малец шагнул мимо них в комнату, развернулся и ударил Сидни ногой в лицо. Тоудвайн за волосы оттягивал тому голову назад.

Врежь ему, снова крикнул он. Эх, врежь ему, милоч.

И малец врезал.

Тоудвайн повертел окровавленную голову туда-сюда, отпустил, и она шмякнулась об пол. Поднявшись, он и сам пнул лежащего. В коридоре стояли двое зевак. Огонь уже охватил дверь, часть стены и потолок. Они двинулись по коридору. По лестнице через две ступеньки взбегал портье.

Тоудвайн, сукин ты сын, выдохнул он.

Тоудвайн стоял на четыре ступеньки выше, и его пинок пришелся портье в горло. Тот осел на лестницу. Малец, спускаясь мимо, добавил ему по уху. Портье обмяк, и его тело заскользило вниз. Переступив через него, малец миновал вестибюль и через парадную дверь вышел на улицу.

Тоудвайн бежал по улице, потрясая кулаками над головой, как безумец, и хохоча. Он смахивал на большую ожившую куклу вуду из глины, да и малец выглядел не лучше. Позади них пламя охватило угол постоянного двора, и в теплом тexasском утре клубами поднимался черный дым.

Мула своего малец оставил на окраине, у мексиканской семьи, принимавшей на постой животных, и явился туда ошалелый, еле переводя дыхание. Ему открыла дверь та же старуха.

Мула хочу забрать, прохрипел он.

Пристально его оглядев, она что-то крикнула вглубь дома. Обойдя дом, он очутился на заднем дворе. Там у привязи стояли лошади, а возле изгороди на краю телеги сидели настороженные индюки. Старуха подошла к задней двери. *Nito*, позвала она. *Venga. Hay un caballero aquí⁷. Venga.*

Он прошел под навесом в шорную и вернулся со своим разбитым седлом и одеялом в скатке. Потом нашел мула, вывел из стойла, взнуздal сыромятным недоуздом и подвел к изгороди. Опершись на животное плечом, набросил седло и затянул подпругу, а мул вздрагивал, прядал и терся головой об изгородь. Малец повел его через двор. Мул мотал и мотал головой, словно что-то попало ему в ухо.

Они вышли на дорогу. Когда он миновал дом, старуха вышла из дверей и направилась к нему. Увидев, что он ставит ногу в стремя, она ускорила шаг. Вскочив в разбитое седло, малец послал мула вперед. Старуха остановилась у ворот, провожая его взглядом. Он не обернулся.

Когда он проезжал через городок, постоянный двор горел, вокруг стояли и смотрели люди, кое-кто с пустыми ведрами. На пламя глядели и несколько верховых, в том числе судья. Когда малец ехал мимо, судья пристально взглянул на него. И лошадь повернул, словно хотел, чтобы она тоже посмотрела. Когда малец обернулся, на лице судьи появилась улыбка. Малец подстегнул мула, и они двинулись по западной дороге мимо старого каменного форта, унося ноги от этой скверной переделки.

⁷ Сынок. Иди сюда. Тут какой-то господин (*исп.*).

II

Через прерию – Отшельник – Сердце негра – Ночная гроза – Снова на запад – Погонщики скота – Их доброта – Снова в дороге – Повозка с мертвецами – Сан-Антонио-де-Бехар – Мексиканский бар – Еще одна драка – Заброшенная церковь – Мертвецы в ризнице – У брода – Купание в реке

Настали дни, когда приходилось и побираться, и воровать. Порой за целый день пути не встречалось ни души. Край сосновых лесов остался за спиной, а впереди, за бесконечными болотистыми низинами, клонится к закату вечернее солнце, темнота настигает, как удар молнии, и трава скрежещет под холодным ветром. Ночное небо так усыпано звездами, что черноте не остается места, и они падают всю ночь напролет, описывая горестные дуги, но меньше их почему-то не становится.

Он старается держаться подальше от главной дороги, опасаясь на кого-нибудь нарваться. Всю ночь воют мелкие степные волки, и рассвет застает его в травянистой ложине, где он укрылся от ветра. Стреноженный мул стоит над ним и смотрит на восток, ожидая рассвета.

Восходящее солнце отликает стальным блеском. Тень от его фигуры верхом на муле простирается перед ним на целые мили. На голове у него шляпа из листьев – они высохли на солнце и потрескались, теперь он смахивает на пугало, что забрело сюда из сада, где отпугивало птиц.

К вечеру среди невысоких холмов он замечает косую спираль дымка, и еще до темноты стоит в дверях землянки старика-анахорета, который обосновался здесь среди дерна, как мегахтерий. Одиноким, полубезумным, веки покрасневшие, будто глаза заперты в клетку раскаленной проволоки. Тело при этом далеко не изможденное. Он молча наблюдал, как малец одревенело слезает с мула. Лохмотья старика развеивались на сильном ветру.

Дым твой увидел, сказал малец. Подумал, может, у тебя найдется глоток воды.

Старик-отшельник почесал грязную шевелюру и опустил глаза. Повернувшись, зашел в землянку, и малец последовал за ним.

Внутри было темно и пахло землей. На земляном полу горел костерок; из обстановки – лишь кипа шкур в углу. Старик шаркал в полумраке, склонив голову, чтобы не задевать низкий потолок из сплетенных и замазанных глиной веток. Ткнул пальцем – на земле стояло ведро. Наклонившись, малец достал из ведра выдолбленную тыкву, зачерпнул и стал пить. Солоноватая вода отдавала серой. Он пил и пил.

У меня там мул, могу я его напоить, как считаешь?

Старик стал постукивать кулаком о ладонь и стрелять вокруг глазами.

С удовольствием принесу свежей воды. Только скажи, где набрать.

Из чего ты собрался его поить?

Малец бросил взгляд на ведро и огляделся в сумрачной землянке.

Я после мула пить не буду, заявил отшельник.

А старого ведра какого нет?

Нет, вскричал отшельник. Нет у меня ничего. Он прижимал руки к груди и стучал кулаком о кулак.

Малец выпрямился, глянул в сторону двери. Что-нибудь да найду. Где колодец?

Выше по холму, по тропинке иди.

Темно уже совсем, ни зги не видно.

Там тропа протоптанная. Ступай, куда ноги поведут. За мулом ступай. Я не могу.

Малец вышел навстречу ветру и огляделся, ища мула, но мула не было. Далеко на юге беззвучно сверкнула молния. Он зашагал по тропе, где по ногам хлестала трава, и нашел мула у колодца.

Яма в песке, вокруг навалены камни. Сверху сухая шкура, тоже придавлена камнем. Ведро из сыромятной кожи, сыромятная ручка, скользкая кожаная веревка. К ручке привязан камень, чтобы легче было зачерпывать. Малец опускал ведро, пока веревка не ослабла, а из-за плеча за ним следил мул.

Он трижды набрал ведро и держал его перед мулом, чтобы тот не расплескал воду. Потом снова накрыл колодец и повел мула назад по тропе к землянке.

Спасибо за воду, крикнул он.

В двери темной тенью показался отшельник.

Оставайся-ка ты у меня, предложил он.

Да ладно.

Лучше оставайся. Идет гроза.

Думаешь?

Думаю. И не ошибаюсь.

Хорошо.

Принеси себе на чем спать. Еду себе принеси.

Малец отпустил подпругу, сбросил седло, стреножил мула и занес в землянку скатку.

Светло было только у костра, где примостился, поджав под себя ноги, старик.

Устраивайся, устраивайся, где хочешь, сказал он. Седло твое где?

Малец мотнул подбородком в сторону выхода.

Не оставляй его там, сожрут. Тут все вокруг голодные.

Выходя, малец наткнулся на мула в темноте. Тот стоял, заглядывая внутрь на костер.

Пошел вон, дурак. Малец взял седло и зашел с ним обратно.

А теперь прикрой дверь, пока нас не сдуло, велел старик.

Дверью у него было нагромождение досок на кожаных петлях. Малец протащил «дверь» по земле и закрыл на кожаный засов.

Ты, я понимаю, заблудился, сказал отшельник.

Нет, сам сюда свернул.

Я не об этом, быстро замахал на него рукой старик. Раз попал сюда, значит, заблудился.

Что было – пыльная буря? Темная ночь? Воры?

Малец поразмыслил.

Ну да. С дороги-то мы все ж таки сбились.

Я так и понял.

А ты давно здесь?

Где здесь?

Малец сидел у костра на скатке с одеялом, старик – напротив. Здесь, сказал малец. В этих местах.

Старик ответил не сразу. Он вдруг отвернулся, двумя пальцами зажал нос, высморкал на пол две нитки соплей и вытер руку о джинсы. Я сам из Миссисипи. Был работником и не скрываю. Хорошие деньги зашибал. Никто меня так и не поймал. Просто осточертело все. Негры осточертели. Погоди, сейчас покажу тебе кое-что.

Он повернулся, пошарил среди шкур и передал над огнем какой-то маленький темный предмет. Малец повертел его в руках. Человеческое сердце, высохшее и почерневшее. Он вернул сердце старику, и тот подержал его в ладони, словно прикидывая, сколько весит.

Есть четыре вещи, которые могут погубить мир, сказал он. Женщины, виски, деньги и негры.

Они посидели молча. Над головой в дымоходе, что выводил дым из землянки, постанывал ветер. Подержав сердце еще немного, старик убрал его.

Двести долларов мне стоила эта штуковина, сказал он.

Ты отдал за это двести долларов?

Ну да, столько и заломили за того черного сукина сына, из которого его вынули.

Повозившись в углу, старик вытащил старый почерневший медный котелок, снял крышку и потыкал пальцем в содержимое – останки поджарого степного зайца, погребенные в застывшем жире и отороченные легкой голубоватой плесенью. Снова закрыв котелок крышкой, старик поставил его на огонь. Не густо, но мы поделимся, сказал он.

Спасибо.

Потерял ты путь свой во мраке, проговорил старик. Он поворошил огонь, и среди пепла обнажились тонкие косточки.

Малец промолчал.

Путь беззаконных жесток⁸, покачал головой старик. Господь сотворил мир сей, но не так, чтоб он устраивал всех и каждого, верно?

Обо мне он, похоже, мало задумывался.

Ну да, согласился старик. Но вот куда заводят человека его представления? Видел ли он мир, который нравился бы ему больше?

Я так думаю, что бывают и места получше, и жизнь.

А сделать их сущими можешь?

Нет.

Нет. Сие есть тайна. Человеку не дано познать, что у него на уме, потому что не умом суждено это познавать. Он может познать душу свою, но не хочет. И правильно делает. Лучше туда не заглядывать. Никак не устремлена душа твари Божией, куда назначено Господом. Низкое найдешь в самой малой из тварей сих, но ведь когда Господь создавал человека, дьявол стоял за плечом Его. Тварь, которой по силам все. Сотворить машину. И машину, творящую другие машины. И зло, что может работать само по себе тысячу лет, как машина, за которой не нужно присматривать. Веришь ты в это?

Не знаю.

А ты поверь.

Стряпня старика разогрелась, он разделил ее пополам, и они молча принялись за еду. Раскаты грома перемещались на север, вскоре уже грохотало над головой, и из печной трубы тонкой струйкой сыпалась ржавчина. Сгорбившись над мисками, они пальцами обтерли с них жир и напились из тыквы.

Малец вышел из землянки, почистил песком кружку и миску и вернулся, колотя этими жестянками, словно отгоняя призрака, спрятавшегося во мраке сухого ущелья. Вдали на наэлектризованном небе, дрожа, вырастали грозовые облака, а потом их снова поглощала тьма. Старик сидел, прислушиваясь к вою стихии снаружи. Малец закрыл за собой дверь.

У тебя ведь денег с собой нет, а?

Нет, подтвердил малец.

Я так и думал.

Как, по-твоему, дождь будет?

Такая возможность всегда есть. Хотя, похоже, не будет.

Малец смотрел на огонь. Он уже клевал носом. В конце концов встал и потрянул головой. Отшельник наблюдал за ним сквозь гаснущее пламя. Устраивайся-ка ты спать, сказал он.

⁸ Прит 13: 16.

Малец так и сделал. Расстелил на утопанной земле одеяла и стянул вонючие сапоги. В дымоходе завывало, малец слышал, как снаружи бьет копытами и фыркает мул, и, уже заснув, подергивал ногами и руками и повизгивал, как спящая собака.

Посреди ночи он проснулся: в землянке царил почти полный мрак, и над мальцом склонился отшельник, который чуть ли не забрался к нему в постель.

Чего тебе? спросил малец. Но отшельник отполз. Утром, проснувшись в пустой землянке, малец собрал свои пожитки и уехал.

Весь день на севере виднелась тонкая полоска пыли. Казалось, она стоит на месте, и только поздно вечером стало заметно, что она приближается. Он проехал через рощицу вечнозеленых дубов, набрал воды в ручье, в сумерках двинулся дальше и устроился на ночь, не разводя костра. Там, среди сухих и пыльных веток, его и разбудили птицы.

К полудню он уже снова ехал по прерии, и пыль на севере простиралась от края до края земли. К вечеру показалось первое стадо. Поджарые норовистые животные с огромными, широко раскинутыми рогами. Ту ночь он провел в лагере пастухов, уминая бобы с галетами и слушая рассказы о кочевой жизни.

Они шли из Абилина, что в сорока днях пути, и направлялись на рынки Луизианы. За ними следовали стаи волков, койотов, индейцев. На мили вокруг из темноты доносился рев скота.

Такие же оборванцы, они не задавали вопросов. Полукровки, освободившиеся негры, пара индейцев.

Все пожитки у меня украли, рассказывал он.

Они кивали в свете костра.

Обобрали подчистую. Даже ножа не осталось.

А то давай к нам. У нас тут ушли двое. Назад повернули, в Калифорнию.

Мне вон туда надо.

Видать, ты и сам не прочь в Калифорнию двинуть.

Не прочь. Не решил еще.

Эти наши ребята связались с какими-то из Арканзаса. Те направлялись в Бехар. Собирались в Мексику и на запад.

Спорим, эти молодцы пьют сейчас в Бехаре до умопомрачения.

Спорим, старина Лонни уже всех теток в городке оприходовал.

А далеко до Бехара?

Дня два пути.

Ну да, дня два – больше. Дня четыре.

Как туда добраться, если охота?

Двигай прямо на юг, и где-то через полдня выйдешь на дорогу.

В Бехар, что ли, собрался?

Может, и так.

Увидишь там старину Лонни, скажи, чтоб мне кого нашел. Скажи, мол, старина Орен просил. Он пригласит тебя выпить, если еще не просадил все деньги.

Наутро они поели лепешек с патокой, пастухи оседлали коней и двинулись дальше. Разыскав своего мула, он обнаружил, что к поводьям привязан маленький мешочек из древесного волокна, а внутри горсть сушеных бобов, перец и старый нож «гринривер» с ручкой из бечевки. Он оседлал мула: стертая спина с залысинами, треснутые подковы. Ребра торчат, как рыбы кости. И они потащились дальше по бескрайней равнине.

До Бехара он добрался вечером четвертого дня. Сидя на муле, этой старой развалине, он с пригорка осмотрел городок: тихие глинобитные домишки, зеленеющая полоска дубов и тополей вдоль реки, рыночная площадь, где сгрудились повозки с крышами из мешковины, крашенные известью общественные здания, возвышающийся среди деревьев церковный купол

в мавританском стиле, а чуть подальше – казармы гарнизона и высокий каменный пороховой склад. Под легким ветерком колыхались оборванные, как листья папоротника, края его шляпы, развевались спутанные сальные волосы. На заострившемся измученном лице темными норами чернели ввалившиеся глаза, а из раструбов сапог поднималась отвратительная вонь. Солнце только что село, на западе утесами вставали кроваво-красные тучи, и из них, будто спасаясь от великого пожара на краю земли, поднимались в небо маленькие пустынные козодои. Сплюнув сухим белым плевком, он прижал потрескавшиеся деревянные стремяна к бокам мула, и они заковыляли дальше.

На узкой тропе ему встретились похоронные дроги с мертвецами: раздавался звон колокольчика, на дуге покачивался фонарь. Трое на облучке и сами смахивали на мертвецов или духов: все в извести, они чуть ли не светились белым в сумерках. Пара лошадей протащила повозку мимо, и все вокруг окутало слабым запахом карболки. Он проводил повозку взглядом. Голые окоченевшие ноги мертвецов болтались из стороны в сторону.

Когда он въехал в городок, уже стемнело, вслед неся лай собак, в освещенных окнах раздвигались шторы, из-за них выглядывали лица. Легкое цоканье копыт эхом отзывалось в пустынных улочках. Принюхавшись, мул свернул в проулок, что выходил на площадь, где в свете звезд стояли колодец, корыто и коновязь. Малец спешил, взял с каменной приступки ведро и опустил в колодец. Донесся тихий всплеск. Малец вытащил ведро, расплескивая в темноте воду. Наполнив ковш, стал пить, а мул тыкался мордой ему в локоть. Напившись, малец поставил ведро, сел на приступку и стал смотреть, как пьет мул.

Он шел по городку, ведя мула в поводу. Вокруг не было ни души. Вскоре он очутился на рыночной площади, где звучали гитары и труба. Из кафе на другой стороне площади струился свет, доносились пронзительные крики и смех. На этот свет он и повел мула через площадь вдоль длинного портика.

На улице он увидел танцоров в цветастых костюмах – все громко болтали по-испански. Малец и мул застыли у границы света и стали смотреть. У стены постоянного двора сидели старики, в пыли играли дети. Наряды у всех были очень странные: мужчины в темных шляпах с плоской тульей, в белых ночных сорочках, в брюках, застегнутых на пуговицы сбоку по шву; у ярко накрашенных девиц – черепаховые гребни в иссиня-черных волосах. Малец перевел мула через улицу, привязал и вошел в кафе. Несколько человек беседовали у стойки, но, увидев его, тут же замолчали. Он прошел по чисто выметенному земляному полу мимо спящей собаки, которая глянула на него одним глазом, остановился у стойки и положил руки на плитки. *Digame*⁹, кивнул ему бармен.

У меня нет денег, но мне нужно выпить. Я вынесу помой, подмету пол, сделаю, что скажешь.

Бармен бросил взгляд через зал, туда, где за столом двое играли в домино. *Abuelito*¹⁰, позвал он.

Тот, что постарше, поднял голову.

*Qué dice el muchacho*¹¹.

Старик глянул на мальчика и снова обратился к своим костяшкам.

Бармен пожал плечами.

Малец повернулся к старику. Говоришь по-американски?

Старик оторвался от игры. Он смотрел на мальчика пустыми глазами.

Скажи, что выпивку я отработаю. Денег у меня нет.

Старик вскинул подбородок и прищелкнул языком.

⁹ Что угодно (исп.).

¹⁰ Дедуля (исп.).

¹¹ Что говорит этот парень (исп.).

Малец перевел взгляд на бармена.

Старик показал кулак, выставил большой палец, оттопырил мизинец, откинул голову и опрокинул в рот воображаемую выпивку. *Quiere hecharse una copa*¹², сказал он. *Pero no puede pagar*¹³.

Люди у стойки не сводили с него глаз.

Бармен посмотрел на мальчика.

*Quiere trabajo*¹⁴, сказал старик. *Quién sabe*¹⁵. Он снова переключился на костяшки домино и продолжил игру, больше не обращая на них внимания.

*Quieres trabajar*¹⁶, проговорил один у стойки.

Они засмеялись.

Чего смеетесь? спросил малец.

Смех прекратился. Одни смотрели на него, другие кривили губы или пожимали плечами. Малец повернулся к человеку за стойкой. У тебя наверняка найдется, что сделать за пару стаканов, и я это прекрасно знаю, черт подери.

Один у стойки произнес что-то по-испански. Малец глянул на него яростно. Подмигнув друг другу, мексиканцы подняли стаканы.

Он снова повернулся к бармену. Глаза у него потемнели и сузились. Подметать пол, сказал он.

Бармен захлопал глазами.

Отступив назад, малец сделал вид, что подметает, и от этой пантомимы посетители согнулись над своими стаканами, беззвучно хохоча. Подметать, повторил он, указывая на пол.

*No está sucio*¹⁷, сказал бармен.

Малец снова сделал вид, будто подметает. Подметать, черт бы тебя побрал.

Бармен пожал плечами. Сходил к концу стойки, вернулся с метлой. Малец взял ее и направился вглубь бара.

Зал был немаленьким. Он мел темные углы, где в горшках стояли безмолвные деревья. Мел вокруг плевательниц, вокруг игроков за столом, вокруг собаки. Подмел перед стойкой, а дойдя туда, где стояли посетители, выпрямился и уставился на них, опершись на метлу. Они молча переглянулись, и наконец один взял со стойки стакан и отошел. Остальные последовали за ним. Малец стал мести мимо них к двери.

Танцоров уже не было, музыки тоже. В тусклом свете из двери кафе было видно, что на скамейке на другой стороне улицы кто-то сидит. Мул стоял, где был привязан. Малец обстучал метлу о ступеньки, зашел обратно и поставил ее в тот угол, откуда ее взял бармен. Потом подошел к стойке.

Бармен не обращал на него внимания.

Малец побарабанил по стойке костяшками пальцев.

Бармен обернулся, подбоченился и скривил губы.

Ну, а теперь как насчет выпить? спросил малец.

Бармен продолжал стоять, как стоял.

Малец повторил жест старика – будто пьет, – но бармен лениво махнул на него полотенцем.

*Ándale*¹⁸, произнес он. И помахал ладонью, словно прогоняя.

¹² Хочет пропустить стаканчик (исп.).

¹³ Но ему расплатиться нечем (исп.).

¹⁴ Работу хочет (исп.).

¹⁵ Кто его знает (исп.).

¹⁶ Поработать хочешь (исп.).

¹⁷ Он не грязный (исп.).

¹⁸ Давай отсюда (исп.).

Малец помрачнел. Сукин ты сын, произнес он. И двинулся вдоль стойки. Выражение лица бармена не изменилось. Он вытащил из-под стойки старинный армейский пистоль с кремневым замком и запястьем взвел курок. Громкий деревянный щелчок в тишине. Звон стаканов по всей длине стойки. Скрежет стульев, откинутых игроками у стены.

Малец замер. Старик, произнес он.

Тот не ответил. В кафе повисла тишина. Малец обернулся, нашел его глазами.

*Está borracho*¹⁹, произнес старик.

Малец следил за глазами бармена.

Тот махнул пистолетом на дверь.

Старик обратился ко всем по-испански. Затем что-то сказал бармену. Затем надел шляпу и вышел.

Бармен побледнел и вышел из-за стойки. Пистолет он уже отложил, а в его руке был деревянный молоток, каким выбивают пробки из винных бочек.

Малец отступил на середину зала; бармен приближался тяжеломерно, будто ему предстояла нелегкая работа. Дважды молоток просвистел над головой у мальчика, и оба раза он уклонился вправо. Потом шагнул назад. Бармен замер. Малец легко перескочил через стойку и схватил пистолет. Никто не шелохнулся. Он открыл затравочную полку об стойку, высыпал заряд пороха и положил пистолет. Затем взял с полок за стойкой пару бутылок и вышел в зал, держа по бутылке в каждой руке.

Бармен стоял посреди зала. Он тяжело дышал и поворачивался вслед за движениями мальчика. Когда тот приблизился, бармен занес молоток. Малец чуть пригнулся, сделал ложный выпад, а потом разнес бутылку в правой руке о голову бармена. Кровь и спиртное брызнули во все стороны, колени у бармена подогнулись, глаза закатились. Малец уже отпустил горлышко первой бутылки, перебросил в правую руку вторую, как заправский разбойник с большой дороги, с лету ударил ею бармена по черепу слева, а пока тот падал, ткнул ему в глаз острыми краями оставшейся в руке «розочки».

Потом огляделся. Кое у кого из посетителей за поясом были пистолеты, но ни один не шелохнулся. Малец перемахнул через стойку, взял еще бутылку, сунул подмышку и вышел. Собаки уже не было. Человека на скамейке тоже. Малец отвязал мула и повел его через площадь.

* * *

Он проснулся в нефе разрушенной церкви и, моргая, уставился на сводчатый потолок и высокие стены с фестонами и стершимися фресками. Пол был покрыт толстым слоем высохшего гуано, коровьего и овечьего навоза. В пыльных потоках солнечного света порхали голуби, а в алтаре три грифа вразвалочку топтались по обглоданному скелету какого-то животного.

Голова раскалывалась, а язык вспух от жажды. Малец сел и огляделся. Нашел спрятанную под седлом бутылку, поболтал, вытащил пробку и приложился к горлышку. Посидел с закрытыми глазами, на лбу выступили крупные капли пота. Потом открыл глаза и выпил еще. Грифы один за другим спустились со скелета и торопливо проследовали в ризницу. Через некоторое время малец встал и пошел искать мула.

Мула нигде не было. Огороженная миссия занимала восемь-десять акров – бесплодный участок, на котором паслись несколько ослов и коз. В руинах глинобитной стены вокруг миссии устроили жилища семьи поселенцев, и вились дымки очагов, еле видные в солнечном свете. Малец обошел церковь и вошел в ризницу. Грифы отбежали прочь, словно огромные куры, шаркая лапами по соломе и штукатурке. Купольные своды над головой облепила темная

¹⁹ Он пьян (исп.).

шерстяная масса – она двигалась, дышала и вскрикивала. В ризнице стоял деревянный стол с глиняными горшками, а у дальней стены лежали останки нескольких трупов, в том числе ребенка. Малец вернулся в церковь и взял седло. Допил бутылку, закинул седло на плечо и вышел наружу.

В нишах на фасаде выстроился целый отряд святых, по которым американские солдаты пристреливали винтовки, и фигуры с отбитыми ушами и носами были усеяны темными пятнами окислившегося свинца. Огромные резные филенчатые двери повисли на петлях, а высеченная из камня Богоматерь держала на руках безголового младенца. Малец стоял, щурясь на полуденной жаре. Потом заметил следы мула. Не следы, а еле взбитая пыль, и вели они через весь участок от двери церкви к воротам в восточной стене. Он забросил седло повыше на плечо и зашагал по этим следам.

Когда он проходил мимо, собака, лежавшая в тени ворот, с угрюмым видом вылезла на солнце, а потом забила обратно в тень. Он зашагал по дороге, что вела с холма к реке, оборванец оборванцем. В густом лесу пеканов и дубов дорога пошла вверх, и внизу показалась речка. На переправе трое негров мыли экипаж, и малец спустился с холма, постоял у воды и через некоторое время их окликнул.

Негры окатывали водой черный лакированный корпус; один выпрямился и повернулся к мальцу. Лошади стояли по колено в воде.

Чего говоришь? крикнул негр.

Мула не видели?

Мула?

Мул у меня потерялся. Вроде в эту сторону пошел.

Негр утерся тыльной стороной руки.

С час назад по дороге прошел кто-то. По-моему, вон туда, вдоль реки. Может, и мул. Про хвост и гриву не скажу, а уши были длинные.

Два других негра ухмыльнулись. Малец поглядел вдоль реки, сплюнул и двинулся по тропе, через ивняк и хлюпающую траву.

В сотне ярдов он нашел у реки мула. Мокрый по брюхо, тот поднял голову, а затем снова потянулся к сочной прибрежной траве. Малец сбросил седло, поднял волочившиеся поводья, привязал мула к какому-то суку и неохотно пнул. Мул подался чуть в сторону и продолжал щипать траву. Малец ощупал голову, но свою умопомрачительную шляпу он уже где-то потерял. Пробравшись сквозь деревья, он остановился и посмотрел на холодные речные водовороты. И стал заходить в реку, как никуда не годный крещающийся. 34

III

Предложение стать солдатом – Беседа с капитаном Уайтом – Его взгляды – Лагерь – Продажа мула – Бар в Ларедито – Меннонит – Приятеля убивают

Он лежал голый под деревьями, растянув одежду сушиться на ветках, когда неподалеку остановился, натянув уздцы, ехавший вдоль реки всадник.

Малец повернул голову. Сквозь ивняк виднелись лошадиные ноги. Малец перевернулся на живот.

Верховой спешился и встал рядом с лошастью.

Малец потянулся за своим ножом с обвитой ручкой.

Эй ты, привет, окликнул верховой.

Он не ответил. И подвинулся, чтобы лучше видеть сквозь ветки.

Эй, там, привет. Ты где?

Чего надо?

Поговорить.

О чем?

Чтоб мне в аду гореть, выходи давай. Я белый и христианской веры.

Малец потянулся сквозь ивовые ветки за штанами. Дернул свисавший ремень, но штаны зацепились за сук.

На дерево, что ли, тебя занесла нелегкая?

Слушай, ехал бы ты дальше и оставил бы меня в покое.

Да я только поговорить. Злить тебя у меня и в мыслях не было.

Уже разозлил.

Не ты тот парень, что разнес башку «мексу» вчера вечером? Я не служитель закона, не дрейфь.

А кому это так интересно?

Капитану Уайту. Хочет уговорить того парня вступить в армию.

В армию?

Да, сэр.

В какую такую армию?

В отряд капитана Уайта. Мы собираемся задать этим мексиканцам.

Война закончилась²⁰.

А он так не считает. Да где ты там?

Малец встал, стащил штаны с ветки и надел. Натянул сапоги, вложил в правое голенище нож и вышел из ивняка, на ходу надевая рубаху.

Вербовщик сидел на траве, скрестив ноги. На нем были штаны из оленьей кожи и запыленный цилиндр из черного шелка. В углу рта торчала маленькая мексиканская сигара. Увидев, что за чудо вылезло из ивняка, он покачал головой.

Видать, не лучшие времена, сынок?

У меня хороших и не было никогда.

В Мексику поехать готов?

Чего я там потерял?

Для тебя это шанс выбиться в люди. Надо решаться на что-то, пока ноги не протянул.

²⁰ Имеется в виду американо-мексиканская война 1846 – 1848 гг.

А дают чего?

Каждый получает коня и патроны. Ну, а тебе, пожалуй, какую-никакую одежду справим. У меня и винтовки нет.

Найдем.

А платить будут?

Да чтоб мне гореть в аду, сынок, на кой тебе плата. Все, что добудешь, – твое. Как-никак в Мексику собираемся. Военные трофеи. Все в отряде станут крупными землевладельцами. Сколько у тебя сейчас земли?

Я в солдатской службе ни бельмеса не смыслю.

Вербовщик пристально его разглядывал. Вытащил изо рта незажженную сигару, отвернулся, сплюнул и вставил обратно. Сам-то откуда?

Из Теннесси.

Теннесси. Ну, тогда уж стрелять ты умеешь как пить дать.

Малец присел на корточки в траву. Взглянул на лошадь незнакомца. Сбруя из тисненой кожи с серебряной оторочкой. На лбу звездочка, белые чулки на ногах, а сочную траву ухватывает целыми охапками. А ты откуда? спросил малец.

Я в Техасе с тридцать восьмого²¹. Не встретить я капитана Уайта, не знаю, что бы со мной случилось. Видок у меня был похлеще, чем у тебя, но капитан появился и воскресил меня, как Лазаря. Направил мои стопы на путь истинный. А я уж было ударился в пьянство и распутство и не остановился бы, пока не попал бы в ад. Он усмотрел во мне такое, что стоило спасать, а я усматриваю это в тебе. Ну, что скажешь?

Не знаю.

Давай, поехали со мной, познакомишься с капитаном.

Малец играл стебельками травы. Потом снова взглянул на лошадь. Ладно, сказал он. Я так понимаю, повредить мне это не повредит.

Так они и ехали по городку: вербовщик во всем своем великолепии на лошади с белыми чулками и малец позади него на муле, как арестант. Их путь лежал по узким проулкам, где изнывали под зноем мазанки. Крыши заросли колючей опунцией и травой, по ним бродили козы, и это убогое глинобитное царство оглашал еле слышный звон похоронных колокольчиков. Свернув на Торговую улицу, они миновали скопище повозок на Главной площади и улочку, где мальчишки продавали с маленьких тележек виноград и инжир. Мимо прошмыгнуло несколько тощих собак. Они пересекли Военную площадь и проехали улочку, куда накануне вечером малец приводил мула на водопой, – сейчас у колодца кучковались женщины и девушки, стояли оплетенные глиняные кувшины самых разных форм. Проехали они и мимо домика, где голосили женщины, а у двери среди зноя и мух стоял небольшой катафалк, запряженный терпеливыми и недвижимыми лошадьми.

Капитан квартировал в гостинице на площади, где росли деревья и стояла зеленая беседка со скамьями. За железными воротами перед фасадом гостиницы открывался проход с двориком в конце. Беленые стены были украшены маленькими разноцветными плитками. Сапоги у вербовщика были кожаные, с тиснением, и их высокие каблуки элегантно цокали по плиткам и ступеням лестницы, что вела из дворика в комнаты наверху. Дворик утопал в зелени, ее только что полили, и от нее поднимался пар. Вербовщик размашисто прошагал по длинному балкону и громко постучал в последнюю дверь. Голос изнутри пригласил войти.

Он сидел за плетеным столиком и писал письма, этот капитан. Они ждали стоя, и подчиненный капитана держал свой черный цилиндр в руках. Капитан продолжал писать, даже

²¹ В 1836 г. переселенцы провозгласили независимую от Мексики Республику Техас. В 1845 г. Техас был аннексирован США, что и стало поводом для американо-мексиканской войны.

не взглянув на них. Стояла тишина; слышно было лишь, как на улице женщина говорит по-испански и как поскрипывает перо капитана.

Дописав, капитан отложил перо и поднял глаза. Он взглянул на своего человека, взглянул на мальчика, затем склонил голову и стал читать написанное. Удовлетворенно кивнув, посыпал письмо песком из ониксовой песочницы и сложил. Взял из коробка на столе спичку, зажег и держал над ней палочку воска для печатей, пока на бумаге не расплылась медальоном красная лужица. Взмахнув рукой, капитан потушил спичку, дунул на бумагу и приложил к печати свой перстень. Затем поставил письмо между двумя книгами на столе, откинулся на стуле и снова взглянул на мальчика. Серьезно кивнул. Прошу садиться, сказал он.

Они устроились на скамье темного дерева. За поясом у вербовщика висел большой револьвер, и, садясь, он развернул ремень так, чтобы пистолет оказался между ног. Накрыв его шляпой и откинулся на спинку. Малец сидел прямо, скрестив ноги в потрепанных сапогах.

Капитан отодвинул стул, поднялся, вышел из-за стола и встал перед ними. Постояв так добрую минуту, он уселся на стол, болтая ногами. В волосах и вислых усах его пробивалась седина, но старым капитана не назовешь. Значит, ты тот самый человек и есть, проговорил он.

Какой это «тот самый»? спросил малец.

Какой это «тот самый», сэр, поправил вербовщик.

Сколько тебе лет, сынок?

Девятнадцать.

Капитан кивнул. Оглядел мальчика с головы до ног. И что же с тобой приключилось?

Чего?

«Сэр» надо говорить, снова поправил вербовщик.

Сэр?

Я спросил, что с тобой приключилось.

Малец взглянул на вербовщика, на свои колени, потом перевел взгляд на капитана.

Грабители на меня напали.

Грабители, повторил капитан.

Забрали все подчистую. Часы и все остальное.

Винтовка у тебя есть?

Нет, больше нету.

Где тебя ограбили?

Не знаю. Никаких названий там не было. Просто чистое поле.

Откуда ты ехал?

Я ехал из Нака... Нака...

Накогдочеса?

Ага.

«Да, сэр».

Да, сэр.

Сколько их было?

Малец непонимающе уставился на него.

Грабителей. Сколько было грабителей?

Семь-восемь, наверно. По башке мне какой-то доской шарахнули.

Капитан прищурил один глаз. Мексиканцы?

Не все. Мексиканцы, негры. И еще двое белых. Стадо ворованного скота гнали. Только старый нож у меня и остался, в сапоге был.

Капитан кивнул и сложил руки между коленей. Как тебе договор?²²

²² Речь идет о договоре, подписанном в январе 1847 г. в Кампо-де-Кауэнга (ныне Лос-Анджелес), который обозначил прекращение военных действий между США и Мексикой на территории Северной Калифорнии. Позже по итогам войны 1846

Малец снова покосился на сидевшего рядом. Глаза у того были закрыты. Малец посмотрел на свои руки. Про это я ничего не знаю.

Боюсь, так же обстоит дело с большинством американцев, вздохнул капитан. Откуда ты родом, сынок?

Из Теннесси.

Ты, верно, не был с «добровольцами»²³ при Монтеррее?²⁴

Нет, сэр.

Пожалуй, самые храбрые солдаты из всех, кого я видел под огнем. Думаю, в боях на севере Мексики ребят из Теннесси было убито и ранено больше, чем из любого другого штата. Ты об этом знал?

Нет, сэр.

Их предали. Они сражались и умирали там, в пустыне, а их предала собственная страна.

Малец молчал.

Капитан наклонился вперед. Мы сражались. Теряли там друзей и братьев. А потом, Господь свидетель, всё отдали обратно. Отдали этой кучке варваров, у которых – и это признает даже самый пристрастный их сторонник – нет ни малейшего, какое только встречается на этой благословенной Богом земле, представления о чести и справедливости. Или о том, что такое республиканское правительство. Этот народ до того труслив, что сотню лет выплачивал дань племенам голых дикарей. Урожай и скот брошены. Шахты закрыты. Целые деревни обезлюдели. А в это время орда язычников разъезжает по стране и совершенно безнаказанно грабит и убивает. И ни один не поднимет на них руку. Разве это люди? Апачи их даже не пристреливают. Не знал? Они забивают их камнями. Капитан покачал головой. Этот рассказ, похоже, расстраивал и его самого.

А ты знал, что при захвате Чиуауа полковник Донифан нанес противнику урон в тысячу человек и потерял лишь одного, да и тот вроде сам застрелился?²⁵ И это с отрядом полураздетых добровольцев, которым никто не платил, которые называли его Биллом и дошли до поля битвы аж из Миссури?

Нет, не знал, сэр.

Капитан выпрямился и скрестил руки на груди. Мы имеем дело с нацией дегенератов, продолжал он. С нацией полукровок, а это лишь немногим лучше, чем черномазые. А может, и не лучше. В Мексике нет правительства. Черт возьми, там и Бога-то нет. И никогда не будет. Мы имеем дело с людьми, которые явно не способны собой управлять. А ты знаешь, что происходит с теми, кто не может собой управлять? Верно. Править ими приходят другие... В штате Сонора уже тысяч четырнадцать французских колонистов. Им бесплатно раздают землю. Они получают инвентарь и скот. Это поощряют просвещенные мексиканцы. Паредес²⁶ уже призывает отделиться от мексиканского правительства. Они считают, что пусть ими лучше управляют лягушатники, чем воры и кретины. Полковник Карраско просит американцев вмешаться. И он своего добьется... Сейчас в Вашингтоне формируется комиссия, которая выедет сюда и установит границу между нашей страной и Мексикой. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в конце концов Сонора станет территорией Соединенных Штатов. А Гуаймас – американским портом. Американцам, направляющимся в Калифорнию, не нужно будет проезжать через эту

– 1848 г. был подписан официальный договор Гвадалупе-Идальго (1848), по которому Мексика потеряла около 40% своей территории, а США получили новые земли площадью около 1 300 000 кв. км.

²³ Видимо, имеются в виду «Конные стрелки из Теннесси», одно из добровольческих формирований техасской армии.

²⁴ Сражение при Монтеррее (1846) – одно из решающих сражений американо-мексиканской войны.

²⁵ Александр Уильям Донифан (1808 – 1887) – американский политик и военачальник. Во время американо-мексиканской войны командовал 1-м полком конных миссурийских волонтеров, участвовал в нескольких кампаниях, включая захват Санта-Фе и вторжение на север Мексики. Его полк принимал участие в сражении за Сакраменто и обеспечил захват города Чиуауа. Бой, о котором идет речь, произошел в феврале 1847 г.

²⁶ Мариано Паредес-и-Аррильяга (1797 – 1849) – мексиканский генерал и президент. Захватил власть в 1846 г.

нашу братскую республику, окутанную мраком невежества, и наши граждане будут наконец защищены от печально известных шаек головорезов, расплодившихся на дорогах, которыми приходится следовать.

Капитан наблюдал за мальцом. Тому явно было не по себе. Сынок, сказал капитан. Нам суждено стать орудием освобождения в темной и охваченной смутой стране. Да-да, именно так. Нам предстоит возглавить этот натиск. Нас поддерживает губернатор Калифорнии Бёрнетт, хоть и не заявляет об этом.

Он наклонился вперед и положил ладони на колени. И добычу будем делить мы. Каждый в моем отряде получит надел. Прекрасные пастбища. Одни из лучших в мире. И земля настолько богатая полезными ископаемыми, золотом и серебром, что, я бы сказал, бледнеют и самые смелые ожидания. Ты молод. Но я понимаю тебя правильно. Я редко ошибаюсь в людях. Думаю, ты хочешь оставить свой след в этом мире. Или я не прав?

Нет, сэр, правы.

Хорошо. Вряд ли ты из тех, кто оставит иностранной державе землю, за которую сражались и умирали американцы. И помяни мое слово. Если американцы – ты, я и нам подобные, кто серьезно относится к своей стране, не так, как эти тряпки в Вашингтоне, которые только штаны просиживают, – не начнут действовать, в один прекрасный день над Мексикой – и я имею в виду всю страну – взвоется флаг какой-нибудь европейской державы. И никакая доктрина Монро²⁷ не поможет.

Голос капитана зазвучал тихо и напряженно. Склонив голову набок, он смотрел на мальчика вполне доброжелательно. Тот потер ладони о коленки грязных джинсов и бросил взгляд на сидевшего рядом. Но вербовщик, похоже, заснул.

А седло? спросил малец.

Седло?

Да, сэр.

У тебя нет седла?

Нет, сэр.

Я понял, что у тебя есть лошадь.

Мул.

Понятно.

У меня есть седло на муле, но от него мало что осталось. Да и от мула немного. Он сказал, мне дадут винтовку и лошадь.

Это сержант Трэммел сказал?

Не обещал я ему никакого седла, возразил сержант.

Найдем мы тебе седло.

Я говорил, что мы могли бы справиться ему одежду, капитан.

Верно. Хоть мы и нерегулярные войска, но не хотим же мы выглядеть как шваль какая-нибудь, верно?

Верно, сэр.

У нас и обьежженных лошадей больше нет, добавил сержант.

Обьеждим.

Того старикана, что так здорово их обьеждал, больше нет.

Знаю. Найди еще кого-нибудь.

Есть, сэр. Может быть, этот умеет обьежжать лошадей. Когда-нибудь обьеждал лошадей?

Нет, сэр.

²⁷ «Доктрину Монро» сформулировал Джон Куинси Адамс (1767 – 1848), госсекретарь при пятом президенте США (1817 – 1825) Джеймсе Монро (1758 – 1831), в 1823 г. В соответствии с этой доктриной США не вмешиваются в войны в Европе и в войны между европейскими державами и их колониями, но рассматривают образование любых новых колоний или вмешательство в дела независимых стран на Американском континенте как враждебные по отношению к себе действия.

Меня можно не называть «сэр».
Да, сэр.
Сержант. Капитан слез со стола.
Да, сэр.
Запиши этого малого.

* * *

Лагерь располагался на окраине города выше по реке. Заплатанная палатка из старого повозочного брезента, несколько хижин-викиапов из веток, за ними – загон в форме восьмерки, тоже с плетеной оградой. В загоне угрюмо стояли под солнцем несколько маленьких пестрых мустангов.

Капрал! крикнул сержант.
Нет его здесь.

Сержант спешился, большими шагами подошел к палатке и откинул полотнище. Малец остался верхом на муле. На него изучающе смотрели три человека, развалившихся в тени дерева.

Привет, сказал один.
Привет.
Новенький?

Да вроде.

Капитан не сказал, когда мы уедем из этой вонючей дыры?

Не сказал.

Из палатки вышел сержант. Где он?

В город отправился.

В город, значит, отправился, повторил сержант. Иди сюда.

Один из лежавших поднялся, не спеша подошел к палатке и встал, заложив руки за спину.

У этого малого никакой экипировки, сказал сержант.

Тот кивнул.

Капитан выдал ему рубашку и немного денег, чтобы починить сапоги. Нужно раздобыть ему лошаденку и седло.

Седло.

Можно продать этого мула и купить какое-никакое.

Взглянув на мула, тот опять повернулся к сержанту и прищурился, потом наклонился и сплюнул. За этого мула и десяти долларов не дадут.

Ну, сколько дадут, столько дадут.

Еще одного бычка укокошили.

Даже слышать об этом не хочу.

А что я могу с ними поделать?

Капитану говорить не стану. Он будет так вращать глазами, что они у него на землю вывалятся.

Другой снова сплюнул. Ну, как ни крути, это божеская правда.

Займись-ка этим малым. Мне пора.

Хорошо.

Больных нет?

Нет.

Слава богу.

Сержант забрался в седло и легонько тронул лошадь поводьями. Потом оглянулся и покачал головой.

Вечером вместе с двумя другими рекрутами малец отправился в город. Выбритый и помывшийся, в синих плисовых штанах и полотняной рубаше, подаренной капитаном, он выглядел совсем другим человеком – только сапоги прежние. Маленькие пестрые мустанги, на которых ехали его спутники, еще сорок дней назад были дикими и носились по равнине. Теперь они то и дело шарахались, переходили в галоп и клацали зубами, как черепахи.

Подожди, еще получишь такую же, сказал второй капрал. Вот повеселишься.

Нормальные лошади, отозвался другой.

Там еще есть парочка, так что и тебе подберем.

Малец на своем муле смотрел на них сверху вниз. Они ехали по бокам, как эскорт, мул рысил с поднятой головой и нервно косил глазами. Любая воткнет тебя головой в землю, заключил второй капрал.

Они проехали через площадь, запруженную повозками и скотом. Тут были и иммигранты, и техасцы, и мексиканцы, и рабы, и индейцы липан, но даже в таком баснословном окружении выделялись группы индейцев каранкава, высоченных и суровых, с раскрашенными синим лицами, с шестифутовыми копьями в руках, почти голых татуированных дикарей, про которых говорили, что они не прочь полакомиться человеческим мясом²⁸. Натягивая поводья, рекруты свернули у здания суда и миновали высокие стены тюрьмы, утыканные по гребню битым стеклом. Оркестр на Главной площади настраивал инструменты. Всадники свернули на улицу Салинас, где за игровыми притонами и закусочными располагались целые ряды крошечных палаток и глинобитных мастерских мексиканцев – шорников, торговцев, сапожников, заводчиков боевых петухов. Мула собирался продавать второй капрал, который был родом из Техаса и немного говорил по-испански. Другой парень был из Миссури. Вымытые и причесанные, в свежих рубашках, оба пребывали в хорошем настроении. Каждый предвкушал вечер выпивки, а возможно, и любви. Сколько юнцов возвращалось домой холодными трупами после таких вот вечеров и таких планов.

За мула они получили техасское седло – голый каркас, покрытый сыромятной кожей, не новое, но прочное. Новую уздечку и удила. Тканое шерстяное одеяло из Сальтильо, такое пропыленное, что не разобрать, новое оно или нет. И наконец, золотую монету достоинством два с половиной доллара. Взглянув на эту монетку у мальчика в руке, техасец потребовал еще денег, но шорник покачал головой и поднял руки – мол, разговор окончен.

А мои сапоги? напомнил малец.

*Y sus botas*²⁹, сказал техасец.

Botas?

*Si*³⁰. Он стал показывать, будто шьет.

Шорник посмотрел на сапоги и нетерпеливо сложил пальцы чашечкой. Малец разулся и встал в пыли босиком.

Закончив дела, они остановились на улочке и переглянулись. Малец закинул новую сбрую на плечо. Второй капрал посмотрел на парня из Миссури. Денег хоть сколько есть, Эрл?

Ни медяка.

У меня тоже. Тогда можно проваливать обратно в нашу забытую Богом дыру.

Малец поправил сбрую на плечо. Еще четвертак «орла»³¹ можно просадить, напомнил он.

На Ларедито спустились сумерки. Из своих гнезд в здании суда и в крепостной башне вылетают и носятся по кварталу летучие мыши. Пахнет горелым древесным углем. У глино-

²⁸ Индейцы каранкава, обитатели прибрежных районов Техаса, занимавшиеся охотой, рыболовством и сбором морепродуктов, вымерли еще до 1860 г. Традиционное представление о каранкава как о людоедах, основанное на свидетельствах XVI в., ученые ныне подвергают сомнению.

²⁹ И его сапоги (*исп.*).

³⁰ Да (*исп.*).

³¹ «Орел» – старая американская монета достоинством 10 долларов с изображением орла.

битных крылечек притулились дети и собаки, а боевые петухи, хлопая крыльями, устраиваются на ветках фруктовых деревьев. Товарищи по оружию шагают вдоль голой глинобитной стены. С площади доносится приглушенная музыка оркестра. Вот они миновали тележку водовоза, вот – провал в стене, где при свете небольшого кузнечного горна что-то кует старый кузнец. Вот в дверном проеме показалась девушка, такая красивая, что все вокруг расцветает.

Наконец они останавливаются у деревянной калитки. Она навешена на двери побольше – может, это ворота. Входящим приходится переступать через порожек больше фута высотой, дерево стерлось от тысяч сапог там, где сотни глупцов запинаясь, падали и вываливались, пьяные, на улицу. Трое рекрутов проходят по двору мимо навеса у старой кривой и бесплодной виноградной лозы, где в сумерках расхаживают, покачивая головами, мелкие куры, входят в бар, где горят лампы, пригибаются под низким брусом и пристраиваются у стойки – первый, второй, третий.

Рядом стоит пожилой чудаковатый меннонит, он поворачивается и пристально их рассматривает. Тощий, с узенькой бородкой, в кожаном жилете и нахлобученной черной шляпе с плоскими полями. Рекруты заказывают виски, выпивают и заказывают еще. На столах у стенки играют в «монте», из-за другого столика на рекрутов оценивающе поглядывают проститутки. Рекруты стоят вдоль стойки бочком, зацепившись пальцами за ремни, и озираются. Они громко обсуждают предстоящий поход, и старик-меннонит печально качает головой и прикладывается к стакану.

Они остановят вас у реки, бормочет он.

Второй капрал смотрит мимо приятелей.

Ты это мне?

У реки. Это я вам говорю. В тюрьму вас посадят, всех до одного.

Кто это, интересно?

Армия Соединенных Штатов. Генерал Уорт³².

Черта с два у них это получится.

Молю Бога, чтобы получилось.

Капрал смотрит на приятелей. Потом наклоняется к меннониту. Это еще что значит, старик?

Коли перейдете реку с оружием вместе с этими флибустьерами³³, назад вам дороги не будет.

Никто назад и не собирается. Мы идем в Сонору.

Тебе-то какое дело, старик?

Меннонит всматривается в обволакивающую тьму перед ними, отраженную в зеркале над стойкой бара. Потом поворачивается к ним. Глаза у него влажные, и говорит он неторопливо. Гнев Господень дремлет. Он был сокрыт миллионы лет до того, как стал человек, и только человек имеет власть пробудить его. Ад не полон и наполовину. Услышьте меня. Вы в чужую землю несете войну безумца. И разбудите вы не только собак.

Но они накидываются на старика с ругательствами и проклятиями, пока он, бормоча, не отодвигается к другому краю стойки. Да и разве могло выйти иначе?

Ну и чем заканчиваются такие дела? Неразберихой, руганью и кровью. Они пили дальше, по улицам гулял ветер, звезды, что были над головой, теперь висели низко на западе, молодые люди не понравились другим, были сказаны слова, после которых уже ничего не поправишь, и на рассвете малец и второй капрал стояли на коленях над Эрлом, парнем из Миссури, и звали его по имени, только он не откликнулся. Он лежал на боку в пыли двора. Посетители

³² Уильям Дженкинс Уорт (1794 – 1849) – американский генерал, во время американо-мексиканской войны командовал второй дивизией оккупационных войск при Монтеррее.

³³ В США в XIX в. флибустьерами называли авантюристов или солдат, которые действовали без одобрения своего правительства и руководствовались финансовой выгодой, политической идеологией или страстью к приключениям.

бара разошлись, проститутки тоже. Внутри какой-то старик подметал пол. Парень из Миссури лежал с проломленным черепом в луже крови, и никто не знал, чьих это рук дело. К ним подошел еще кто-то, и во дворе их стало трое. Это был меннонит. Дул теплый ветерок, и восток стал сереть. Куры, угнездившиеся в виноградной лозе, завозились и закудахтали.

Нет в таверне той радости, что чувствуешь по дороге туда, проговорил меннонит. Он держал шляпу в руках, потом нахлобучил ее на голову, повернулся и вышел из ворот. 50

IV

***В поход с флибустьерами – На чужой земле –
Отстрел антилоп – Преследуемые холерой – Волки
– Ремонт фургонов – Пустыня – Ночные грозы
– Призрачный табун – Моление о дожде – Дом в
пустыне – Старик – Новая страна – Брошенная
деревня – Погонщики на равнине – Нападение команчей***

Пять дней спустя малец на лошади убитого пересек площадь вместе с всадниками и повозками и выехал из городка на дорогу в долине. Они миновали Кастровилль, где койоты раскопали мертвецов и раскидали кости, перебрались через речку Фрио, переправились через Нуэсес, сошли с дороги на Президио и повернули на север, выслав вперед и назад караулы. Ночью по неглубокому песчаному броду пересекли Дель-Норте и оказались в глухих пустынных дебрях.

К рассвету отряд растянулся по равнине длинной цепью, сухие деревянные повозки жалобно скрипели, лошади фыркали. Глухой топот копыт, лязг амуниции и непрерывное позвякивание сбруи. Вокруг расстилалась голая земля, и лишь иногда то тут, то там попадались заросли цеанотуса, опунции и клочки спутанной травы, а к югу виднелись низкие горы, тоже голые. На западе простирался горизонт, плоский и четкий, как спиртовой уровень.

В первые дни животных не попадалось, а из птиц – только грифы. Вдали они видели стада овец или коз, передвигавшихся по линии горизонта в шлейфе пыли, а ели мясо диких ослов, подстреленных на равнине. У сержанта в ножнах была тяжелая вессоновская винтовка, стрелявшая конусовидными пулями, для которой использовалось «фальшивое дуло»³⁴ и бумажные пыжи. Из нее он стрелял по встречавшимся порой в пустыне мелким диким свиньям. Потом, когда стали попадаться стада антилоп, сержант останавливался в закатных сумерках и, ввинтив двуногу в выступ с нарезкой на нижней части ствола, снимал пасущихся животных с расстояния в полумиллю. Расстояние он прикидывал на глаз, делал поправку на ветер и выставлял прицел на верньере, как на микрометре. Второй капрал обычно лежал рядом с биноклем и при промахе советовал брать выше или ниже. В повозке ждали, пока сержант подстрелит трех-четырех, потом она с грохотом мчалась по остывающей земле, а те, кому предстояло свежевать дичь, толкали друг друга и довольно ухмылялись. Винтовку эту сержант никогда не убирал, разве что протирал и смазывал ствол.

Все были хорошо вооружены, у каждого винтовка, у многих пятизарядные револьверы Кольта небольшого калибра. У капитана два драгунских пистолета в кобурах были налажены через луку седла так, что располагались у колен. Эти американские армейские пистолеты, изготовленные по патенту Кольта, с чехлами, мульдой и пороховницей в придачу он купил у одного дезертира на платной конюшне в Соледаде, заплатив за них восемьдесят долларов золотом.

Винтовка мальчика была обрешена и расточена и поэтому весила немного; ее мульда была такая маленькая, что пули приходилось пыжить замшей. Он уже несколько раз стрелял из нее, но пули в основном разлетались куда попало. Чехла не было, и винтовка покачивалась перед ним на высокой седельной луке. Прежний владелец тоже все время возил ее таким образом, и цевье внизу порядком износилось.

³⁴ «Фальшивое дуло» – приспособление для зарядки пуль.

Когда вернулась с мясом повозка заготовщиков, уже начинало темнеть. Выгрузив со дна повозки дрова – колючие ветки мескитника и пни, выкорчеванные лошадиной тягой, – они, хохоча, принялись кромсать выпотрошенных антилоп на куски ножами «боуи» и топориками, размахивая ими среди кровавого зловонного месива в свете фонарей, которые держали остальные. Когда совсем стемнело, у костров стояли почерневшие ребра, от которых валил пар, шла схватка за место у углей, куда все ломились с кусками мяса, нанизанными на обструганные палочки, слышались бряканье фляг и беспрестанные подначки. И был сон той ночью на холодных равнинах чужой страны: сорок шесть человек, закутавшихся в одеяла, те же звезды над головой, и волки вроде бы так же завывают в прерии, но все вокруг – какое-то другое, необычное.

Каждый день они собирались и выступали затемно, до рассвета, огня не разводили и ели холодное мясо с галетами. Взошло солнце и осветило их уже вымотавшуюся за шесть дней пути колонну. В их одежде было мало общего, а в шляпах – и того меньше. Маленькие пестрые мустанги шли неровно и яростно, а над дном фургона с запасами дичи вечно роились злобные полчища мух. Пыль, что поднимал отряд, быстро рассеивалась и исчезала в громадности этих безграничных просторов, и видна была лишь пыль, поднимаемая жалким маркитантом, который следовал за ними незаметными переходами; его тощая лошадь и небогатая повозка не оставляли следов на этой земле, как и на любой другой. У тысяч костров в стальной голубизне сумерек развернет свою лавку этот торговец с жуликоватой ухмылкой, готовый идти за солдатами во время любой кампании и выискивать людей в каждой дыре, в таких именно выбеленных солнцем местах, где они пытаются укрыться от Бога. В тот день заболели двое, один умер еще до темноты. Наутро его место был готов занять еще один. Обоих положили в фургон с припасами между мешками с бобами, рисом и кофе, завесив одеялами от солнца; так они и ехали под грохот и скрип колес. От безумной тряски мясо чуть не сходило у них с костей, и они кричали, умоляя их бросить, а потом умерли. В темноте раннего утра им вырыли могилы лопатками антилоп, завалили сверху камнями, и отряд двинулся дальше.

От солнца на востоке потянулись слабые полосы света, потом небо окрасилось кровавым колером, который сочился, разливаясь неожиданными вспышками все дальше по земной тверди, и вот на краю творения, там, где сливались воедино небо и земля, из ниоткуда головкой огромного красного фаллоса показалась верхушка солнца, и оно поднималось все выше, пока не вышло из-за невидимого края и не припало к земле за их спинами, подрагивающее и зловещее. Словно прочерченные карандашом, по песку протянулись тени мельчайших камешков, а удлинённые фигуры людей и лошадей стелились впереди прядями ночи, из которой они только что выехали, словно щупальца, не желающие отпускать их, пока снова не опустится мрак. Опушенные головы, скрытые под шляпами лица – они ехали, точно сонное войско на марше. До полудня умер еще один, его вытащили из фургона, где он замарал мешки, среди которых лежал, похоронили и снова отправились в путь.

Теперь за ними увязались волки, большие белесые *lobos*³⁵ с желтыми глазами, они рысили у самых ног и наблюдали за людьми во время полуденного привала, сидя неподалеку в мерцании зноя. Потом снова приходили в движение. Прыгали, крались, рысили, опустив длинные носы к земле. Вечером их глаза ерзали и поблескивали на границе света от костров, а утром всадники, выезжавшие в предрассветной прохладе, слышали позади рычание и клцание зубов: это волки обшаривали лагерь в поисках мясных отбросов.

Фуруны иссохли так, что качались из стороны в сторону, как собаки, и стирались от песка. Колеса давали усадку, спицы шатались в ступицах и гремели, словно шпиндели ткацкого станка; по вечерам в пазы загоняли фальшспицы и привязывали полосками сырой кожи, забивали клинья между железным ободом и треснувшим на солнце косяком. Вихляя, они катились

³⁵ Волки (исп.).

дальше, и следы этих негодных усилий на песке походили на след гремучей змеи. Штыри ступиц разбалтывались и вываливались по дороге. Колеса начинали ломаться.

Через десять дней, потеряв четырех человек, они въехали на равнину из чистой пемзы: ни кустика, ни травинки, куда ни глянь. Капитан объявил привал и вызвал к себе мексиканца, который был у них проводником. Они поговорили, мексиканец размахивал руками, оживленно жестикуюлировал и капитан, и через некоторое время все снова двинулись в путь.

Сдается мне, это прямая дорога в преисподнюю, сказал кто-то из солдат.

Чем он, интересно, лошадей кормить собираются?

Наверное, думает, что они пооботрутсЯ на этом песочке, как цыплята, а когда поспеют, их можно будет съесть с лушеной кукурузой.

Через два дня стали попадаться кости и брошенная сбруя. Их глазам предстали наполовину ушедшие в землю скелеты мулов, чьи отполированные добела кости будто светились даже в ослепительных лучах жгучего солнца, видели они и выючные корзины, седла, человеческие кости, видели и целого мула – высохшую и почерневшую тушу, твердую, как сталь. И ехали дальше. Белое полуденное солнце следовало за ними по пустыне, как за армией призраков, – запорошенные белой пылью, они походили на очертания полустертых резных фигур на доске. Волки бегали вокруг тенями еще бледнее, собирались в стаи, легко скользя по земле, и принюхивались, поднимая вверх тощие морды. После захода солнца лошадей кормили с рук из мешков с зерном и поили из ведер. Больше никто не болел. Оставшиеся в живых молча лежали в этой исцербленной пустоте и смотрели, как падают, рассекая мрак небес, раскаленные добела звезды. Или спали, и их чужие здесь сердца бились на песке, как изможденные странники на поверхности планеты Анарета³⁶, в тисках кружащей в ночи неизвестности. Они двигались дальше, и от пемзы железо на колесах повозок заблестело, как хромированное. Горная цепь голубела к югу, упиралась в свою бледную копию на песке, точно отражалась в озере, а волки куда-то сгинули.

Теперь они ехали по ночам – безмолвные переходы, слышалось лишь тархтенье повозок и тяжелый хрип лошадей. Чудной отряд старцев в лунном свете, усы и брови густым слоем покрывала белая пыль. Они продвигались все дальше, а звезды толпились и изгибались дугой на небесной тверди и гасли за черными, как тушь, горами. Они стали хорошо разбираться в ночных небесах. Глаза западного человека лучше различают геометрические фигуры, нежели названия, данные древними. Привязанные к Полярной звезде, они огибали ковш Большой Медведицы, а на юго-западе огромным голубым воздушным змеем появлялся Орион. В лунном свете простирался синий песок, обитые железом колеса фургонов мерцающими обручами катились среди теней всадников, и обручи эти рыскали туда-сюда, точно подраненные, смутно напоминая навигационные приборы, этакие изящные астролыбии, а отполированные до блеска копыта лошадей опускались одно за другим на поверхность пустыни, подмигивая оттуда мириадами глаз. Они видели грозы, грохотавшие так далеко, что не слышно: лишь беззвучно вспыхивала зарница, подрагивал тонкий черный хребет горной цепи, и его снова поглощал мрак. Они видели, как промчался по равнине табун диких лошадей, втаптывая в ночь свои тени и оставляя за собой еле заметную в свете луны туманную пыль.

Всю ночь дул ветер, и от мелкой пыли все скрипели зубами. Песок был везде, когда ели, он хрустел на зубах. Желтое, как моча, утреннее солнце затуманенным взором смотрело через завесы пыли на тусклый мир, лишенный всяких признаков. Животные выбивались из сил. Отряд остановился на привал без дров и воды, и несчастные мустанги сбились в кучу, скуля по-собачьи.

³⁶ Анарета (греч. «разрушитель») – в астрологии планета, разрушающая форму, убивающая, неблагоприятно воздействующая на планету хилег («подателя жизни»).

В ту ночь их путь пролегал по наэлектризованной и дикой местности, где по металлу конской сбруи пробегали тусклые голубоватые огни причудливой формы, колеса фургонов катились в огненных кольцах, а в лошадиные уши и бороды людей забирались пятнышки бледно-голубого света. Всю ночь за темно-синими грозowymi облаками на западе подрагивали неизвестно откуда взявшиеся полотнища молний, отчего голубовато-призрачный свет пустыни вдали и горы на внезапно обозначившемся горизонте казались суровыми, черными и зловещими, словно где-то там лежал край иного миропорядка, край, где земля сложена не из камня, а из страха. С юго-запада накатили громовые раскаты, и молния осветила пустыню вокруг, огромные безжизненные голубые просторы, вырванные из абсолютного мрака ночи и наполненные звоном пространства, будто из небытия вызвано царство демонов или край оборотней, от которого с наступлением дня не останется ни следа, ни дыма, ни развалин, как и от всякого беспокойного сна.

Они остановились в темноте, чтобы дать отдых лошадям, и кое-кто, боясь привлечь молнию, сложил оружие в фургоны, а один, по имени Хейуорд, стал молиться о дожде.

Боже всемогущий, взывал он, если это не очень супротив предначертанного в предвечном промысле Твоем, не пошлешь ли нам сюда чуток дождя?

Давай-давай, молись, зашумели вокруг, и он, встав на колени, загудел, пытаясь перекрыть громовые раскаты и ветер: Господи, иссохли мы тут все, как вяленое мясо. Хоть несколько капель для старых приятелей, которых занесло сюда, в прерию, так далеко от дома.

Аминь, сказали они и, поймав лошадей, снова тронулись в путь. Через час ветер принес прохладу, и среди этой дикой пустыни на них посыпались дождевые капли размером с картечь. В воздухе запахло мокрыми камнями, ароматно пахнуло мокрыми лошадьми и мокрой кожей. Отряд двигался дальше.

Весь день они ехали под знойным солнцем с пустыми бочонками для воды, на измученных лошадях, а вечером, миновав проход между невысокими каменистыми холмами, эти избранные – потрепанные и белые от пыли, словно потерявшие рассудок и разъезжающие верхом вооруженные мельники, – покинули пределы пустыни и спустились к одиноко стоявшему хакалу, грубой хижине из глины и прутьев с чем-то вроде конюшни и загонов для скота.

Земля вокруг хакала была разгорожена частоколом из костей, и во всем пейзаже царила смерть. Ничто живое не двигалось за этими странными изгородами, очищенными песком и ветром, выбеленными солнцем и, словно старый фарфор, испещренными сухими коричневыми трещинами. Под бряканье сбруи волнистые тени всадников скользили мимо глинобитного фасада хакала по иссохшей бурой земле. Лошади подрагивали, чуя воду. Капитан поднял руку, послышалась команда сержанта, двое всадников спешили и, взяв винтовки, направились к хижине. Они откинули дверь из сыромятных шкур и вошли. Через несколько минут появились снова.

Здесь кто-то есть. Угли еще горячие.

Капитан настороженно всматривался в даль. Терпеливо, как человек, привыкший иметь дело с людьми некомпетентными, он спешил и зашел в хакал. Выйдя, он снова огляделся. Лошади нетерпеливо переминались и били копытами, позвякивая сбруей, а всадники осаживали их и честили почем зря.

Сержант.

Да, сэр.

Эти люди, верно, недалеко. Постарайся их найти. И посмотри, нет ли здесь фуража для лошадей.

Фуража?

Фуража.

Положив руку на заднюю луку седла, сержант огляделся, покачал головой и слез с коня.

Пройдя через хакал, они оказались на огороженном заднем дворе и направились к конюшне. Никаких лошадей. А что до корма – ничего, кроме стойла, наполовину заброшенного сухим сотолом³⁷. Они прошли к баку среди камней на задах хакала. Вода тоненькой струйкой переливалась через край. Песок возле бака был покрыт следами копыт и сухим навозом, и какие-то птички беззаботно прыгали по кромке ручейка.

Сержант присел на корточки, потом встал и сплюнул. Так, произнес он. Вроде отсюда все миль на двадцать просматривается, куда ни глянь?

Рекруты озирались в окружавшей их пустоте.

Вряд ли эти люди могли уйти далеко.

Они напились и зашагали назад к хакалу, ведя лошадей по узкой тропинке.

Капитан стоял, засунув большие пальцы за пояс.

Не понимаю, куда они могли деться, сказал сержант.

А что под навесом?

Какой-то старый высохший корм.

Капитан нахмурился.

Должно быть, они держат козу или кабана. Какая-нибудь живность у них должна быть.

Куры, например.

Через несколько минут двое приволокли из-под навеса старика. Весь в пыли и мякине, тот рукой прикрывал глаза и стонал. Он упал ничком у ног капитана на кипу, напоминавшую слежавшийся хлопок, и закрыл уши ладонями, а глаза – локтями, словно его понуждали взирать на что-то ужасное. Капитан в омерзении отвернулся. Сержант ткнул старика носком сапога. Что это с ним?

Он же весь обдулся, сержант. Он весь обдулся. Капитан брезгливо махнул в сторону старика перчатками.

Да, сэр.

Ну так убери его отсюда, к черту.

Хотите, чтобы Канделарио с ним поговорил?

Это же идиот какой-то. Уберите его от меня.

Старика уволокли. Он что-то лепетал, но его никто не слушал, а наутро его уже не было.

Лагерь разбили у бака, кузнец занялся мулами и мустангами, потерявшими подковы, а остальные при свете костра до поздней ночи чинили фургоны. На малиновой заре они тронулись туда, где бритвенным острием смыкались небо и земля. Темные маленькие архипелаги облаков, огромный мир песка и невысокий кустарник сдвигались там вверх, в безбрежную пустоту, где эти голубые островки начинали дрожать, земля утрачивала твердость, угрожающе кренилась и через оттенки розового и темноту за границей зари устремлялась к самым крайним пределам пространства.

По пути им встречались вздымающиеся рваными зубцами пестрые каменные стены, возвышающиеся в разломах трапповые выступы, изогнутые складки антиклиналей, глыбы, похожие на обрубки стволов огромных каменных деревьев, камни, расколотые так, словно в них во время давней грозы ударила молния и выход породы разлетелся в облаках пара. Позади остались цепи бурых даек³⁸, которые, словно развалины древних стен, спускались на равнину с узких вершин кряжей вездесущими предвестниками деяний рук человеческих, возникшими еще в те времена, когда не было человека и ничего живого не было.

Очутившись в полуразрушенном селении, они разбили лагерь в стенах высокой глинобитной церквушки, а рухнувшие балки крыши раскололи на дрова для костра, и совы кричали из-под темных сводов.

³⁷ *Сотол* – вечнозеленый кустарник, достигающий 1,5 м в высоту.

³⁸ *Дайка* – вертикальное отложение осадочных пород.

На следующий день горизонт на юге подернулся тучами пыли, которые постепенно заволокли землю на целые мили. Отряд продолжал движение, следя за этой пылью, пока она не стала приближаться, и тогда капитан поднял руку, приказывая остановиться, вынул из переметной сумы старую медную кавалерийскую подозрную трубу, раздвинул ее и неторопливо осмотрел окрестности. Рядом на коне сидел сержант, и через некоторое время капитан передал трубу ему.

Стадо черт знает каких размеров.

Похоже, табун лошадей.

Далеко они, как считаешь?

Трудно сказать.

Позови Канделарио.

Сержант повернулся и махнул мексиканцу. Когда тот подъехал, сержант передал ему подозрную трубу, мексиканец приставил ее к глазу и прищурился. Опустил трубу, взгляделся без нее, затем снова поднес ее к глазу. А потом замер, прижимая трубу к груди, как распятие.

Ну так что? проговорил капитан.

Тот покачал головой.

Что, черт возьми, это может быть? Бизоны?

Нет. По-моему, лошади.

Дай-ка сюда.

Мексиканец вернул трубу, и капитан снова осмотрел горизонт, с хлопком сложил трубу, убрал в переметную суму, поднял руку, и отряд двинулся дальше.

Это были быки, коровы, мулы и лошади. Стадо в несколько тысяч голов шло под углом к отряду. К концу дня всадники различались уже невооруженным глазом – горстка оборванных индейцев, которые на проворных мустангах сдерживали стадо по краям. Были там и всадники в шляпах, наверное мексиканцы. Сержант подотстал, чтобы поравняться с капитаном.

Что это, по-вашему, капитан?

По-моему, это шайка язычников, угоняющих скот, вот что это, по-моему. А ты как думаешь?

Я тоже так считаю.

Капитан снова приложил трубу к глазам.

Полагаю, они нас заметили.

Заметили, заметили.

Сколько, по-твоему, всадников?

С десяток вроде.

Капитан постучал по трубе рукой в перчатке.

Не похоже, чтобы они встревожились, а?

Нет, сэр. Не похоже.

Капитан мрачно улыбнулся.

Сдается мне, что еще до темноты мы немного позабавимся.

Окутанные пеленой желтой пыли, мимо уже проносились первые животные: поджарые, с выпирающими ребрами и торчащими в разные стороны рогами быки и коровы, среди которых не нашлось бы и двух похожих; маленькие, тощие, черные как смоль мулы, толкавшие друг друга и задиравшие тупые, как киянка, головы; потом снова быки с коровами и, наконец, первый погонщик, который держался сбоку от стада, направляя его между своими товарищами и отрядом. Позади двигалось стадо из нескольких сотен мустангов. Сержант поискал глазами Канделарио. Он пропустил вперед весь отряд, но мексиканца так и не нашел. Понукнув коня, он проскакал через всю колонну вперед. Из пыли вылетали последние гуртовщики, капитан что-то показывал жестами и кричал. Мустанги уже отделились от стада быков, и гуртовщики гнали их к вооруженному отряду, что встретился им на равнине. Сквозь пыль на шку-

рах мустангов абрисом старой картины, что проявляется на холсте под грунтовкой, виднелись намалеванные шевроны, руки, восходящие солнца, всевозможные птицы и рыбы, и за топотом неподкованных копыт уже слышались кены, флейты из человеческих костей, и в отряде одни стали пробиваться назад, а другие растерянно сбились в кучу, когда справа от мустангов возникло баснословное полчище всадников с копьями, луками и щитами, украшенными осколками разбитых зеркал, которые тысячами солнц слепили глаза врагов. Целый легион, сотни воинов ужасающего вида, полуголых или в одеяниях аттической или библейской древности, или разодетых, словно персонажи кошмара, в шкуры животных, в пышные наряды из шелка и ошметки военной формы со следами крови бывших владельцев, в мундиры убитых драгунов, кавалерийские мундиры с аксельбантами и галунами, кто в цилиндре, кто с зонтиком, кто в белых чулках и в окровавленной свадебной вуали, одни в головных уборах из перьев журавля, другие в сыромятных шлемах, украшенных рогами быка или бизона, кто-то во фраке, надетом задом наперед на голое тело, кто-то в панцире испанского конкистадора с глубокими вмятинами на нагруднике и на плечах от ударов булавой или саблей, нанесенных когда-то в другой стране теми, чьи кости уже рассыпались в прах, у многих в косички вплетено так много волос разных животных, что они волочились по земле, а на ушах и хвостах лошадей виднелись лоскуты ярких тканей; кто-то выкрасил голову лошади ярко-красным, лица всадников размалеваны так грубо и нелепо, что они походили на трупку до смерти уморительных верховых клоунов, и, что-то вопя на варварском наречии, они накатывались адовым воинством, что страшнее адского пламени, каким пугают христиане, пронзительно визжали и завывали, окутанные дымкой, словно туманные существа в местах незнанных, где блуждает взгляд, а губы дергаются, пуская слюну.

О боже, вырвалось у сержанта.

С шумом посыпался град стрел, и всадники, вздрагивая, стали падать с лошадей. Лошади вставали на дыбы и шарахались вперед, а эти монгольские орды, обойдя отряд по флангам, развернулись и обрушились на него с копьями.

Отряд уже остановился, прозвучали первые выстрелы, сквозь завесу пыли потянулся серый дымок от винтовок, и в рядах копыеносных дикарей возникли бреши. Лошадь мальчика осела под ним с долгим вздохом, точно из нее выпустили воздух. Он уже выстрелил из своей винтовки и теперь, сидя на земле, возился с зарядной сумкой. У сидевшего рядом из шеи торчала стрела. Он чуть склонился вперед, словно молился. Малец потянулся было за окровавленным плоским наконечником из обрубной стали, но заметил еще одну стрелу, вонзившуюся человеку в грудь по самое оперение, и понял, что тот мертв. Вокруг падали лошади, поднимались рухнувшие с них люди, малец видел, как один сидя заряжал винтовку, а из ушей у него текла кровь, видел, как бойцы, разомкнув револьверы, пытались вставить запасные барабаны, видел, как стоявшие на коленях клонились к земле, хватая свои тени, видел, как людей пронзали копьями, хватали за волосы и на всем скаку снимали скальпы, видел, как боевые лошади топтали упавших, как возникший непонятно откуда маленький мустанг с бельмом на глазу потянулся к нему белой мордой, шелкнул зубами, как пес, и исчез. Кое-кто из раненых впал в ступор и ничего не понимал, другие побледнели под масками из пыли, одни уже обложившись, другие, пошатываясь, неверными шагами устремлялись навстречу копыям. Под завывания костяных флейт дикари надвигались бешеной стеной – лошади с косящими глазами и подпиленными зубами, полуголые всадники с зажатыми в зубах пучками стрел и блестящими в пыли щитами, они пронеслись во весь опор сквозь смешавшийся отряд, свешивались с седел, зацепившись ногой за сбрую на холке, и под напружиненными шеями мустангов натягивали короткие луки, а потом, когда отряд уже был окружен и его ряды рассечены надвое, они поднимались снова, как фигурки в городке аттракционов, некоторые с нарисованными на груди кошмарными рожами, и устремлялись на сброшенных с лошадей англосаксов, нанося удары копьями и дубинками, спрыгивали с лошадей, размахивая ножами, и стремительно переме-

щались по земле на полусогнутых ногах, будто существа, вынужденные передвигаться в чуждой им манере, и срывали с мертвых одежду, хватали за волосы и живых, и мертвых, обводили черепа ножами и одним движением отрывали окровавленные скальпы, рубили направо и налево обнаженные тела, отсекая руки, ноги, головы, потрошили странные белые обрубки, воздевая полные руки кишок и гениталий, некоторые дикари так перемазались в крови, будто катались в ней, как собаки, они набрасывались на умирающих и свершали над ними содомский грех, что-то громко крича своим приятелям. Из дыма и пыли с топотом выныривали лошади погибших и ходили кругами – хлопала кожаная сбруя, бешено развевались гривы, глаза от страха закатывались до белков, как у слепых, – одни утыканы стрелами, другие проткнуты копьями, они кружили среди этой бойни, спотыкались, блевали кровью, а потом вновь с грохотом скрывались из виду. От осевшей пыли головы у скальпированных перестали кровоточить, и они лежали в орошенной кровью пыли, словно обезображенные и голые монахи с полоской волос пониже ран и тонзурами до кости, вокруг стонали и что-то невнятно бормотали умирающие и визжали рухнувшие лошади. 65

V

***По пустыне Больсон де Маними – Спроул – Дерево
мертвых младенцев – Сцены резни – Sopilotes³⁹ –
Убитые в церкви – Ночь среди мертвецов – Волки –
Постирушка на броне – Пешком на запад – Мираж –
Встреча с бандитами – Нападение вампира – Рытье
колодца – Перекресток в пустыне – Повозка – Смерть
Спроула – Под арестом – Голова капитана – Выжившие
– Дальше к Чиуауа – Город – Тюрьма – Тоудвайн***

С наступлением темноты одна душа чудесным образом восстала из числа новопреставленных мертвецов и стала крадучись пробираться прочь в свете луны. Земля, где он лежал, пропиталась кровью и мочой из опорожненных мочевого пузыря животных, и он шел, грязный и вонючий, зловонным отпрыском самой воплотившейся матки-войны. Дикари давно переместились на возвышенность, он видел свет костров, на которых они жарили мулов, и слышал странное заунывное пение. Пробравшись между бледными обезображенными людьми, между неуклюже разбросанными ногами лошадей, он сориентировался по звездам и побрел на юг. Здесь, среди кустарника, ночь принимала тысячи различных очертаний, и он смотрел под ноги. В свете звезд и ущербной луны он тащился во мраке пустыни еле заметной тенью, а вдоль хребтов выли волки, которые двигались на север к месту бойни. Он шел всю ночь, но костры за спиной по-прежнему были видны.

С рассветом он направился по дну впадины к вставшим в миле от него пластам выхода горной породы. Пробираясь среди разбросанных вокруг валунов, он услышал голос, внезапно раздавшийся среди этой бескрайней равнины. Огляделся – никого. Когда голос раздался снова, малец обернулся и присел отдохнуть. Вскоре он заметил движение на склоне: по скользкой осыпи к нему карабкался человек в лохмотьях. Карабкался осторожно, постоянно оглядываясь. Было видно, что никто его не преследует.

На плечи у человека было накинуто одеяло, порванный рукав рубахи потемнел от крови, одной рукой человек прижимал к груди другую. Звали его Спроул.

Он был одним из восьмерых, спасшихся бегством. В его лошадь попало несколько стрел, она рухнула под ним в ночи, а остальные, в том числе капитан, поскакали дальше.

Они сидели рядом среди камней и смотрели, как внизу на равнине рождается новый день.

У тебя поесть чего-нибудь не осталось? спросил Спроул.

Малец сплюнул и покачал головой. Потом глянул на Спроула.

Рука сильно болит?

Тот прижал ее к груди.

Бывало и хуже.

Они сидели, глядя вдаль на пустоту, где были только песок, камни и ветер.

Что это были за индейцы?

Не знаю.

Спроул ожесточенно закашлялся в кулак и прижал к себе окровавленную руку.

Будь я проклят, если это не предупреждение христианам.

³⁹ Грифы (исп.).

Все утро они пролежали в тени выступа скалы, вырыв в серой вулканической пыли место для сна, а после полудня направились через долину, держась следов прошедшего здесь отряда, и их совсем маленькие фигурки очень медленно брели среди бескрайних просторов.

К вечеру они оказались у другой каменной стены, и Спроул указал на темное пятно на голом утесе, похожее на копоть от давних костров. Малец рукой прикрыл глаза от солнца. Зубчатые стены каньона колыхались в зное, точно складки портьер.

А ну как это источник? сказал Спроул.

Слишком далеко.

Ну, если ты видишь воду поближе, давай пойдем туда.

Малец лишь взглянул на него, и они тронулись в путь.

Идти нужно было по ложине между горами скальных обломков, кусками вулканического шлака и мрачными штыками юкки. Под лучами солнца чахли низкорослые кустарники, черные и оливковые. Спотыкаясь, они брели по растрескавшейся глине высохшего русла. Сделали привал и двинулись дальше.

Источник находился высоко между слоями обнаженных пород, вода была верхнегрунтовая и капля за каплей скатывалась по гладкой черной скале и по цветкам губастика и ядовитого зигаденуса, который свешивался небольшим, но смертельно опасным садиком. У дна каньона вода текла тонкой струйкой, и они по очереди припадали к камню губами, как благочестивые верующие к святыне.

Ночь провели в расположенной чуть выше неглубокой пещерке – старой усыпальнице; каменный пол покрывали осколки кварца и гравия вперемешку с ракушками из ожерелий, отшлифованными костями и углями старых костров. Было холодно, они укрылись одним одеялом Спроула, который негромко покашливал в темноте, и оба время от времени вставали и спускались к камню попить. Ушли они оттуда еще до зари, а когда рассвело, были уже на равнине.

Они шли по следам военного отряда и после полудня наткнулись на павшего мула – его пронзили копьем и бросили, – а потом еще на одного. Дорога в скалах сужалась, и они вышли к зарослям, увешанным мертвыми детьми.

Они остановились, от жары все кружилось перед глазами. Малышам – их было семь или восемь – проткнули горло под нижней челюстью, и они висели на обломанных сучках мескитового дерева, пустыми глазами уставившись в голое небо. Безволосые, бледные, вздувшиеся, они казались личинками какого-то невообразимого существа. Беглецы проковыляли мимо, потом оглянулись. Ничто не двигалось. К вечеру на равнине они набрали на деревушку, где над развалинами еще курился дым и не было ни единой живой души. Издали деревушка походила на заброшенный кирпичный заводик. Они долго стояли перед ее стенами, вслушиваясь в тишину, и лишь потом осмелились зайти.

Они неторопливо шагали по маленьким немощным улочкам. Козы и овцы, зарезанные в загонах, мертвые свиньи, валяющиеся в грязи. В дверях и на полу глинобитных лачуг, попадавшихся на пути, в самых разных позах там, где их застала смерть, лежали люди, обнаженные, распухшие и странные. Валялись миски с объедками; вышла кошка, уселась на солнце и равнодушно уставилась на пришельцев, а вокруг в неподвижном горячем воздухе роились мухи.

Улочка привела на площадь со скамейками и деревьями, где в зловонии и гаме черно теснились стервятники. На площади лежала дохлая лошадь, а в одной двери курицы клевали рассыпанную еду. В некоторых домах провалились крыши и лежали тлеющие шесты, а на пороге церкви стоял осел.

Они присели на скамью, и Спроул стал раскачиваться туда-сюда, прижав к груди раненую руку и морщась от солнечного света.

Что делать-то будешь? спросил малец.

Воды бы раздобыть.

Ну а вообще?

Не знаю.

Хочешь, попробуем вернуться?

В Техас?

А куда ж еще.

Ничего у нас не выйдет.

Ну, это ты так считаешь.

Ничего я не считаю.

Он снова закашлялся, держась за грудь здоровой рукой, словно задыхаясь.

Что с тобой, простыл?

Чахотка у меня.

Чахотка?

Спроул кивнул.

Приехал вот здоровье поправить.

Малец глянул на него. Покачал головой, встал и направился через площадь к церкви. На старых резных деревянных карнизах расселись грифы. Он поднял булыжник, швырнул в них, но они даже не шелохнулись.

Тени на площади вытянулись, и по растрескавшейся глине улиц завивалась пыль. Высоко по углам домов сидели, растопырив крылья, вороны-падальщики, точно маленькие черные епископы, выступающие с проповедью. Малец вернулся к скамье, поставил на нее ногу и оперся на колено. Спроул сидел, как и раньше, прижимая к себе руку.

Житья не дает, сучка, проговорил он.

Малец сплюнул и бросил взгляд вдоль по улице.

Лучше бы нам заночевать здесь.

Думаешь, нормально?

А что?

А если индейцы вернутся?

Зачем им возвращаться?

Ну, а если есть зачем?

Не вернутся они.

Спроул все баюкал руку.

Вот был бы у тебя нож, сказал малец.

Вот был бы он у тебя.

С ножом здесь можно было бы мяса раздобыть.

Я не хочу есть.

Надо бы по домам пройтись и посмотреть, что там.

Валяй.

Надо найти, где спать.

Спроул поднял на него глаза.

Мне никуда не надо.

Ну, как знаешь.

Спроул закашлялся и сплюнул.

Ну и ладно.

Малец повернулся и зашагал по улице.

Дверные проемы были невысокие, и, входя в прохладные помещения с земляным полом, приходилось нагибаться, чтобы не задеть притолоку. Внутри – лишь спальные тюфяки, иногда – деревянный ларь для снеди. И так дом за домом. В одном – почерневший и тлеющий остов небольшого ткацкого станка. В другом – человек с натянувшейся обугленной плотью и запекшимися в глазницах глазами. Ниша в глинобитной стене с фигурками святых в куколь-

ных нарядах, с грубо вырезанными из дерева и ярко раскрашенными лицами. Иллюстрации из старого журнала на стене, маленькая фотография какой-то королевы, карта таро – четверка кубков. Связки сушеных перцев и несколько сосудов из тыквы-горлянки. Стеклянная бутылка с травами. Снаружи – голый немощеный двор, огороженный кустами окотильо, и обрушенная круглая глиняная печь, в которой подрагивало на солнце черное свернувшееся молоко.

Он нашел глиняный кувшин с фасолью и несколько сухих лепешек, отнес их в дом в конце улочки, где еще тлели угли сгоревшей крыши, подогрел еду в золе и поел, сидя на корточках, словно дезертир, мародерствующий в развалинах брошенного города.

Когда он вернулся на площадь, Спроула там не было. На все вокруг опустилась тень. Малец пересек площадь, поднялся по каменным ступеням церкви и вошел. Спроул стоял на паперти. Из высоких окон на западной стене падали длинные контрфорсы света. Скамей в церкви не было, а на каменном полу груды лежали тела человек сорока – со снятыми скальпами, голые, уже обглоданные, – они забаррикадировались от язычников в этом доме Божиим. Прорубив дыры в крыше, дикари перестреляли их сверху, и пол усеивали стрелы – их вырывали, чтобы снять с тел одежду. Жертвенники повержены, дарохранильница разграблена, и великий спящий Бог мексиканцев изгнан из своей золотой чаши. Примитивистские образы святых в рамках висели на стенах криво, словно после землетрясения, а мертвый Христос в стеклянном гробе валялся, расколотый и оскверненный, на полу в алтаре.

Убитые лежали в огромной луже крови своего последнего причастия. Она застыла и теперь походила на пудинг, испещренный следами волков и собак, а по краям засохла и растрескалась, как бургундская керамика. Кровь растекалась по полу темными языками, заливала плитки, текла по паперти, выщербленной ногами нескольких поколений верующих, тонкой струйкой вилась по ступенькам и капала с камней среди темно-красных следов падальщиков.

Спроул обернулся и посмотрел на мальчика так, словно тот мог прочесть его мысли, но малец лишь покачал головой. Мухи вились над голыми безволосыми черепами мертвецов и разгуливали по сморщенным глазным яблокам.

Пошли, сказал малец.

В умирающем свете дня они миновали площадь и зашагали по узкой улочке. В дверях лежал мертвый ребенок, на нем восседали двое грифов. Спроул махнул на них здоровой рукой, они злобно зашипели, неуклюже захлопали крыльями, но не улетели.

Они покинули деревушку с первыми лучами солнца. Из дверей домишек выскальзывали волки и растворялись на улицах в густом тумане. Беглецы держались юго-западного пути, где раньше прошли дикари. Ручеек, бегущий по песку, тополя, три белые козочки. Они пересекли брод, где рядом с недостиженным бельем лежали убитые женщины.

Весь день они ковыляли по дымящемуся шлаку *terra damnata*⁴⁰, время от времени натываясь на раздувшихся мертвых мулов или лошадей. К вечеру выпили всю взятую с собой воду. Улеглись спать на песке, проснулись в прохладном мраке раннего утра, пошли дальше и до изнеможенья шагали по этому краю шлака. После полудня им встретилась на тропе завалившаяся на дышло двухколесная повозка. Громадные круги колес были напилены из ствола тополя и шипами крепились к осям. Забравшись в ее тень, они проспали до темноты и пошли дальше.

Корка луны, что висела в небе весь день, исчезла, и они продолжали свой путь по тропе через пустыню при свете звезд. Прямо над головой висели крохотные Плеяды, а по горам к северу шагала Большая Медведица.

Рука воняет, проговорил Спроул.

Что?

Рука, говорю, воняет.

Хочешь, осмотрю?

⁴⁰ Проклятая земля (лат.).

Зачем? Что ты сможешь с ней сделать?

Ну, как знаешь.

Ну и ладно.

И они побрели дальше. За ночь дважды доносилось дребезжание маленьких степных гадюк, что шевелились в чахлой поросли, и было страшно. Когда рассвело, они уже карабкались среди глинистых сланцев и твердых скальных пород под стеной темной моноклинали, на которой базальтовыми пророками стояли башни. За спиной у края дороги остались деревянные кресты в каменных пирамидах там, где когда-то встретили смерть путники. Дорога петляла меж холмов, и почерневшие от солнца беглецы еле тащились по этим «американским горкам», глазные яблоки у них воспалились, а на краю зрения мелькали красочные видения. Пробираясь через заросли окотильо и опунции, где дрожали и трескались на солнце камни – одни камни, никакой воды и песчаная тропа, – они высматривали какое-нибудь зеленое пятно, знак того, что рядом вода, но воды не было. Они поели пиньоле – поджаренных молотых зерен кукурузы, загребая их пальцами из мешка, и зашагали дальше. Через полуденный зной в сумерки, где, распластав кожаные подбородки на прохладных камнях и отгородившись от всего мира приговорными улыбочками и потрескавшимися, как каменные плиты, глазами, лежали ящерицы.

На закате они вышли на вершину, и стало видно на несколько миль вокруг. Внизу перед ними простиралось огромное озеро, а вдали за неподвижной водою вставали голубые горы. В знойном воздухе дрожали тени парящего ястреба и деревьев, и ярким белым пятном на фоне голубых тенистых холмов виднелся далекий город. Они уселись и стали смотреть. Солнце укатилось за иззубренный край земли на западе. Они видели, как оно вспыхнуло за горами, озеро потемнело, и в нем растворились очертания города. Они так и заснули среди камней, лежа навзничь, как мертвые, а когда проснулись утром, и город, и деревья, и озеро исчезли. Перед ними расстилалась лишь голая пыльная равнина.

Застонав, Спроул снова сполз туда, где лежал. Малец посмотрел на него. Нижняя губа у него покрылась волдырями, рука под разодранной рубахой вспухла, а из-под потемневших пятен крови сочилась какая-то мерзость. Отвернувшись, малец оглядел долину.

Едет кто-то, сообщил он.

Спроул промолчал. Малец взглянул на него.

Правда, не вру.

Индейцы? подал голос Спроул. Да?

Не знаю. Слишком далеко.

И что будешь делать?

Не знаю.

Куда же делось озеро?

Откуда мне знать.

Но мы оба его видели.

Люди видят то, что хотят видеть.

А почему я не вижу его теперь? Я его еще как видеть хочу, черт возьми.

Малец окинул взглядом равнину.

А если индейцы? нудил Спроул.

Очень может быть.

Куда бы спрятаться?

Сухо сплюнув, малец вытер рот тылом ладони. Из-под камня выскочила ящерица, пригнулась над этим комочком пены на крохотных, задранных кверху локотках, осушила его и снова шмыгнула под камень, оставив лишь чуть заметный след на песке, который почти сразу исчез.

Они прождали весь день. Малец сделал несколько вылазок вниз в каньоны в поисках воды, но так ничего и не нашел. Все застыло в этом пустынном чистилище: двигались только

хищные птицы. Вскоре после полудня внизу, на изгибах тропы, показались всадники – они поднимались в гору. Мексиканцы.

Спроул, который сидел, вытянув перед собой ноги, поднял голову. А я еще думал, сколько протянут мои старые сапоги. Иди давай, махнул рукой он. Спасайся.

Они лежали в узкой полоске тени под выступом скалы. Малец промолчал. Через час среди камней послышалось сухое цоканье подков и побрякивание сбруи. Первым обогнул острый выступ скалы и миновал горный проход большой гнедой жеребец капитана – он шел под капитанским седлом, но самого капитана на нем не было. Беглецы встали у края дороги. Загорелые и измученные палящим солнцем, всадники держались на лошадях так, словно вообще ничего не весили. Их было семь, нет, восемь. Когда они проезжали мимо – широкополые шляпы, кожаные жилеты, *escopetas*⁴¹ поперек луки седла, – их вожак серьезно кивнул Спроулу с мальцом с капитанского жеребца, поздоровался, дотронувшись до края шляпы, и они поехали дальше.

Спроул с мальцом провожали их глазами. Малец крикнул им вслед, а Спроул неуклюже порысил за лошадьми.

Всадники стали клониться вперед и раскачиваться, как пьяные. Их головы мотались из стороны в сторону. Среди скал эхом раскатился грубый хохот, они повернули лошадей и с ухмылками до ушей воззрились на путников.

*Qué quiere?*⁴² крикнул главный.

Всадники гоготали и хлопали друг друга по спинам. Они дали волю лошадям, и те принялись бесцельно бродить вокруг. Главный повернул к стоявшим.

*Buscan a los indios?*⁴³

При этих словах некоторые соскочили с коней и стали без зазрения совести тискать друг друга и чуть ли не рыдать. Глядя на них, главный растянул рот в ухмылке. Зубы у него были белые и массивные, как у лошади, в самый раз для подножного корма.

Чокнутые, проговорил Спроул. Просто чокнутые.

Малец поднял взгляд на главного. Воды бы попить.

Тот пришел в себя, и его лицо вытянулось.

Воды? переспросил он.

У нас воды нет, сказал Спроул.

Но, мой друг, как нет? Очень сухой здесь.

Не оборачиваясь, он протянул назад руку, и кто-то вложил в нее кожаную флягу. Главный поболтал ею и протянул вниз. Малец вытащил пробку и стал пить, оторвался, переводя дыхание, и снова припал к фляге. Главный нагнулся и постучал по ней. *Basta*⁴⁴, сказал он.

Малец все пил большими глотками. Он не видел, как потемнело лицо всадника. Тот высвободил сапог из стремени, точным ударом вышиб флягу, и малец на секунду застыл, вытянув руки, словно взывая к кому-то. Фляга взлетела, переворачиваясь в воздухе, сверкнула на солнце лепестками воды и со стуком покатила по камням. За ней ринулся Спроул, схватил ее там, где она лежала, истекая водой, и стал пить, поглядывая поверх горлышка. Всадник и малец не отрываясь смотрели друг на друга. Спроул закашлялся и сел, хватая ртом воздух.

Шагнув по камням, малец взял флягу у Спроула. Главный коленями послал коня вперед, вытащил из-под ноги шпагу, наклонился и, просунув лезвие в ремешок фляги, поднял ее. Острие шпаги оказалось дюймах в трех от лица парня, а ремешок фляги обернулся вокруг фаски. Малец замер, а всадник аккуратно выудил у него из рук флягу, дал ей соскользнуть по

⁴¹ Ружья (исп.).

⁴² Чего надо? (исп.)

⁴³ Индейцев ищите? (исп.)

⁴⁴ Хватит (исп.).

лезвию, и она оказалась у него в руках. Ухмыляясь, он повернулся к своим, и те снова заулюлюкали и принялись толкать друг друга, как обезьяны.

Вставив пробку на ремешке, главный загнал ее на место ударом ладони. Потом бросил флагу тому, кто был у него за спиной, и воззрился на странников. Почему вы не прятаться?

От тебя?

От я.

Пить очень хотелось.

Пить очень хотелось. А?

Они молчали. Легонько постукивая фаской шпаги по передней луке седла, всадник, казалось, подбирал слова. Потом чуть наклонился к ним. Когда ягнята теряться в горах, сказал он, они плакать. Иногда приходит мама. Иногда волк. Усмехнувшись, он поднял шпагу, вложил ее на место, лихо развернул коня и пошел рысью между других лошадей. Его люди повскакали в седла, устремились за ним и вскоре скрылись из виду.

Спроул сидел не шевелясь и, когда малец посмотрел на него, отвел взгляд. Он был ранен во враждебной стране, далеко от дома, и хотя глаза его видели чужие камни вокруг, душа, похоже, отлетела в совсем иные, далекие пределы.

Они стали спускаться, переступая через камни, выставив перед собой руки, и их тени, искаженные на изрезанной местности, походили на существ, что ищут собственные очертания. В сумерках они добрались до дна лощины и двинулись дальше в голубизне и прохладе. На западе строем поставленных на попа заостренных шиферных пластин вставали горы, а вокруг изгибались и вертелись на ветру неизвестно откуда взявшиеся клочки сухой травы.

Они брели во мраке дальше и заснули прямо на песке, как собаки. Пока они так спали, из ночи бесшумно вылетело что-то черное и уселось Спроулу на грудь. Оно прошлось по спящему, балансируя кожистыми крыльями, растянутыми на тонких косточках пальцев. Сморщенная, как у мопса, злобная мордочка, искривленные в жуткой усмешке голые губы и зубы, в свете звезд отливавшие бледно-голубым. Существо склонилось к шее Спроула и, проделав две узкие дырки, сложило крылья и принялось пить кровь.

Получилось это у него грубовато. Спроул проснулся, взмахнул рукой. От его вопля вампир замахал крыльями, отшатнулся, но устроился у него на груди снова, зашипел и щелкнул зубами.

Вскочивший малец схватил булыжник, но летучая мышь шарахнулась в сторону и исчезла во тьме. Спроул держался за шею и что-то бессвязно бормотал в истерике. Потом увидел мальчика, что стоял и смотрел на него, протянул к нему окровавленные руки, словно тот был в чем-то виноват, а потом прихлопнул руками уши, и из него вырвалось то, что, очевидно, не хотелось слышать и ему самому, – вой такой ярости, что заполнит цезуру в биении пульса всего мира. Но малец лишь сплюнул в темноту разделявшего их пространства. Знаю я таких, как ты, проговорил он. У вас коли что-то не заладится, так не заладится во всем.

* * *

Утром они набрали на высохшее русло; малец обошел его в поисках лужицы или ямки, но ничего не отыскал. Выбрав в русле впадину, он принялся копать ее какой-то костью, и, когда углубился почти на два фута, песок увлажнился, потом увлажнился еще больше, и наконец вода стала медленно просачиваться в бороздки под его пальцами. Он скинул рубаху, запихнул ее в песок и следил, как она темнеет и среди складок ткани медленно поднимается вода, пока ее не набралось с чашку. Потом опустил голову в яму и выпил. Затем уселся и стал наблюдать, как она наполняется снова. Занимался он этим больше часа. Потом надел рубаху и пошел назад по руслу.

Спроул снимать рубаху не пожелал. Он попытался высасывать воду, но набрал полный рот песка.

Может, дашь твою рубаху, попросил он.

Малец сидел на корточках на сухой гальке русла. Через свою соси, ответил он.

Спроул снял рубаху. Когда он отодрал присохшую к коже ткань, потек желтый гной. Распухшая рука стала толщиной с бедро и совсем другого цвета, а в открытой ране копошились червячки. Запихнув рубаху в яму, Спроул наклонился и стал пить.

Во второй половине дня они вышли на перекресток, если его можно было так назвать. Еле заметная колея от фургона, что тянулась, пересекая тропу, с севера на юг. Они стояли, внимательно разглядывая пейзаж и надеясь отыскать в этой пустоте хоть какой-то знак. Спроул уселся там, где пересекались колеи, бросил на мальчика взгляд из глубоких пещер, где обитали его глаза. Он заявил, что больше не встанет.

Вон там озеро, сказал малец.

Спроул даже не посмотрел.

Раскинувшееся вдали озеро поблескивало. Края его, словно изморозью, покрывала соль. Малец задумчиво посмотрел на озеро и на дороги. Через некоторое время кивнул на юг. Помоему, туда ездили чаще всего.

Прекрасно, сказал Спроул. Вот и иди.

Ну, как знаешь.

Спроул некоторое время провожал его взглядом, затем поднялся и побрел следом.

Пройдя с пару миль, они остановились отдохнуть. Спроул уселся, вытянув ноги и положив руки на колени, а малец присел на корточки поодаль. Оба щурились от солнца, обросшие щетиной, грязные и оборванные.

Кажись, гром, а? спросил Спроул.

Малец поднял голову.

Послушай.

Малец взглянул в небо, бледно-голубое, без единого облачка, и только жгучее солнце зияло в нем белой дырой.

По земле чувствуется, сказал Спроул.

Да нет ничего.

А ты послушай.

Малец встал и огляделся. На севере виднелось облачко пыли. Он стал наблюдать за ним. Облачко не поднималось, и его не уносило в сторону.

Это гроыхала по равнине неуклюжая двухколесная повозка, которую тянул маленький мул. Возчик, похоже, дремал. Заметив на тропе беглецов, он остановил мула и стал разворачиваться. Повернуть ему удалось, но малец уже ухватился за сыромятный недоуздок и заставил мула остановиться. Подковылял Спроул. Сзади из-под навеса выглянули двое ребятишек. Запорошенные пылью, с белыми волосами и измученными лицами, они походили на съездивших гномиков. При виде мальчика возчик отпрянул, женщина рядом с ним пронзительно завыла по-птичьи, указывая на горизонт, то в одну сторону, то в другую, но малец, подтянувшись, забрался в повозку, за ним залез Спроул, и они улеглись, уставившись на пышущий жаром брезент. Пострелята забились в угол, сверкая оттуда черными глазенками, как лесные мыши, и повозка вновь повернула на юг и покатила с нарастающим грохотом и стуком.

С подпорки дуги на шнурке свисал глиняный кувшин с водой. Малец взял его, напился и передал Спроулу. Потом принял обратно и допил, что осталось. Они устроились среди старых шкур и просыпанной соли и вскоре заснули.

В город они въехали, когда уже было темно. Повозку перестало трясти – это их и разбудило. Малец поднялся и выглянул. Звездный свет освещал немощеную улочку. Повозка была пуста. Мул всхрапывал и бил копытом. Через некоторое время из тени появился человек, он

повел запряженного мула по переулку в какой-то двор. Заставлял мула пятиться, пока повозка не встала вдоль стены, потом распряг его и увел.

Малец снова улегся в накренившейся повозке. Было холодно; он лежал, поджав ноги, под куском шкуры, от которой пахло плесенью и мочой. Всю ночь он спал урывками, всю ночь лаяли собаки, а на рассвете запели петухи и с дороги стал доноситься топот лошадей.

В первых лучах серенького утра на него начали садиться мухи. Он почувствовал их на лице, проснулся и стал отмахиваться. Через некоторое время сел.

Повозка стояла в пустом дворе с глинобитными стенами, рядом был дом из камыша и глины. Вокруг кудахтали и возились в земле куры. Из дома вышел маленький мальчик, спустил штаны, справил большую нужду прямо во дворе, поднялся и снова зашел в дом. Малец взглянул на Спроула. Тот лежал, уткнувшись лицом в дно повозки. Отчасти он был укрыт своим одеялом, и по нему ползали мухи. Малец протянул руку и потряс его. Тот был холодный и одеревеневший. Мухи взлетели, а потом снова сели на него.

Когда во двор въехали солдаты, малец мочился, стоя у повозки. Солдаты схватили его, связали руки за спиной, заглянули в повозку, поговорили между собой и вывели его на улицу.

Его отвели в какое-то строение из самана и поместили в пустую комнату. Он сидел на полу, а сторожил его паренек с безумными глазами, вооруженный старым мушкетом. Спустя некоторое время солдаты вернулись и снова куда-то его повели.

Шагая по узким немощеным улочкам, он слышал музыку – вроде бы фанфары, – и она становилась все громче. Сначала рядом шли дети, потом присоединились старики и наконец – целая толпа загорелых дочерей деревенских жителей, все как один в белом, словно персонал заведения для умалишенных; женщины в темных *rebozos*⁴⁵ – некоторые с открытой грудью, с нарумяненными *almagre*⁴⁶ лицами – покуривали маленькие сигары. Толпа росла и росла, стражники с мушкетами на плечах хмуро покрикивали на зевак, и они шагали дальше вдоль высокой саманной стены церкви, пока не вышли наконец на площадь.

Там всюду шла ярмарка. Бродячее лекарственное шоу⁴⁷, примитивный цирк. Они прошли мимо клеток из толстых ивовых ветвей, где кишели крупные лаймово-зеленые змеи – обитатели южных широт; или покрытые пупырышками ящерицы с черными пастями, вымокшими от яда. Чуть живой старик-прокаженный вынимал из кувшина на всеобщее обозрение пригоршни ленточных червей и выкрикивал названия своих снадобий против них. Мальца и конвоиров толкали со всех сторон другие невежественные аптекари, торговцы вразнос и нищие, пока они не добрались до столика, на котором стояла стеклянная бутылка с чистым мескалем. В ней была человеческая голова, волосы плавали в жидкости, глаза на бледном лице закатились.

Мальца вывели вперед, крича «*Mire, mire*»⁴⁸ и отчаянно жестикулируя. Он стоял перед бутылкой, а ему предлагали рассмотреть ее как следует и разворачивали к нему лицом. Это была голова капитана Уайта. Еще недавно воевавшего с язычниками. Малец взглянул в утопшие невидящие глаза бывшего командира. Оглянулся на селян и солдат, не сводивших с него глаз, сплюнул и вытер рот. Не родня он мне.

* * *

Вместе с тремя другими оборванцами, оставшимися в живых после похода, мальчика поместили в старый каменный корраль. Щурясь, они тупо сидели у стены или бродили по пери-

⁴⁵ Накидках (исп.).

⁴⁶ Красной охрой (исп.).

⁴⁷ Лекарственное шоу – бродячая труппа, дававшая представления, чтобы привлечь покупателей патентованных лекарств.

⁴⁸ «Смотри, смотри» (исп.).

метру по засохшим следам от копыт мулов и лошадей, блевали, справляли большую нужду, а с парапета улюлюкала ребятня.

Он разговорился с худеньким пареньком из Джорджии. Так худо мне было – сил нет, признался тот. Боялся, что помру, а потом стало страшно, что не помру.

Я в горах видал человека на коне капитана, сказал ему малец.

Ну да, подтвердил паренек из Джорджии. Они убили его, Кларка и еще одного – так и не знаю, как его звали. Приезжаем в город, а на следующий день они засаживают нас в *calabozo*⁴⁹, и этот самый сукин сын заявляется туда со стражниками. Они гогочут, пьют и разыгрывают в карты – он и его *jefe*⁵⁰ – коня капитана и его пистолеты. Голову-то капитана ты небось видел.

Видел.

Жуть. В жизни не встречал такого.

Давно уже, наверное, замариновали. По правде говоря, им и мою бы надо замариновать. Чтобы больше не связывался с таким болваном.

Весь день они перемещались от стены к стене, прячась от солнца. Паренек из Джорджии рассказал, что мертвые тела их товарищей выложены на рыночных прилавках для всеобщего обозрения. Безголовый капитан валяется в грязи, его уже свиньи наполовину объели. Он вытянул в пыли ногу и прокопал каблуком ямку.

Готовятся отправить нас в Чиуауа.

Откуда знаешь?

Так говорят. Не знаю.

Кто это так говорит?

Вон тот, Шипман. Он немного болтает по-ихнему.

Малец всмотрелся в того, о ком шла речь. Покачал головой и выстрелил сухим плевком.

Ребятня торчала на стенах целый день. Они пялились на узников, тыкали пальцами и что-то трещали. Ходили по парапету и старались помочиться на спавших в тени, но пленники были начеку. Некоторые придумали кидаться камнями, но потом малец подобрал в пыли булыжник размером с яйцо и сшиб одного ребятенка – за стеной лишь глухо шмякнуло упавшее тело.

Ну ты чего натворил, а? сказал паренек из Джорджии.

Малец посмотрел на него.

Сейчас заявятся сюда с плетями и уж не знаю с чем.

Малец сплюнул.

Ничего не заявятся. И никаких плетенок им не будет.

Никто так и не пришел. Какая-то женщина принесла миски с фасолью и подгорелые лепешки на блюде из необожженной глины. Вид у нее был встревоженный, она улыбнулась им, вынула из-под шали тайком пронесенные сласти, а на самом дне мисок они обнаружили куски мяса с ее собственного стола.

Спустя три дня их посадили на жалких маленьких мулов и, как и было предсказано, отправили в столичный город.

* * *

Ехали пять дней через пустыню и горы, минуя пыльные деревушки, где поглазеть на них высыпали все местные жители. Конвоиры, одетые кто во что горазд, в выцветших и потрепанных нарядах, пленники – в лохмотьях. Каждому выдали по одеялу, и вечерами, сидя на корточках у костра в пустыне, почерневшие от солнца, тощие и закутанные в эти серапе, они выглядели последними пеонами, батраками Божиими. По-английски никто из солдат не гово-

⁴⁹ Каталажку (исп.).

⁵⁰ Начальник (исп.).

рил; приказания они отдавали хмыканьем или жестами. Вооружены были неважно и страшно боялись индейцев. Сворачивали самокрутки из кукурузных листьев и молча сидели у костра, прислушиваясь к звукам ночи. А когда заговаривали, разговор всегда шел о ведьмах или другой какой нечисти похуже, а еще старались различить во мраке голос или крик, какого у тварей земных не бывает. *La gente dice que el coyote es un brujo. Muchas veces el brujo es un coyote.*

Y los indios tambien. Muchas veces llaman corno los coyotes.

Y qué es eso?

Nada.

Un tecolote. Nada más.

Quizás⁵¹.

Когда они миновали горный проход и внизу показался город, сержант, командир отряда, остановил лошадей и что-то сказал ехавшему за ним солдату, а тот спешился, достал из седельной сумки сыромятные ремешки, подошел к пленникам и жестом предложил скрестить запястья и выставить руки вперед, показав, как это нужно сделать. Он связал им руки, и все снова тронулись в путь.

В город въезжали, как сквозь строй, между двумя рядами мусора. Их гнали, точно скот, по булыжным улицам, за их спинами звучали приветственные крики, а солдаты в ответ улыбались, как подобало, отвечали кивками на цветы и протягиваемые стаканчики, вели оборванных искателей удачи по главной площади, где плескалась вода в фонтане и на резных сиденьях из белого порфира отдыхали праздные гуляки, мимо губернаторского дворца, мимо собора, где на запыленных антаблементах и среди ниш на резном фасаде рядом с фигурами Христа и апостолов восседали стервятники, простиравшие свои темные одеяния в позах странной благожелательности, а вокруг, развешанные на веревках, трепетали на ветру высушенные скальпы убитых индейцев, и длинные волосы их раскачивались понуро, словно волокна каких-то морских тварей, а высохшая кожа хлопала по камням.

Они ехали мимо стариков, тянувших морщинистые руки за подаванием у церковных дверей, мимо нищих калек в лохмотьях, с печальными глазами, мимо детей, что спали в тени без сновидений, а по лицам у них ползали мухи. Темные медяки в миске с грохочущей крышкой, высохшие глаза слепых. Писцы, устроившиеся на ступеньках со своими перьями, чернильницами и песочницами, стоны прокаженных, бродящих по улицам, облезлые собаки – кожа да кости, продавцы тамале⁵², старухи с темными землистыми лицами, перепаханными морщинами. Они сидят на корточках в канавах, эти старухи, жарят на древесном угле полоски мяса неизвестного происхождения, и оно шипит и брызжет маслом. Везде полно малолетних сирот, хватает и злых карликов, шутов и пьянчуг, которые несут всякий бред и размахивают руками на маленьких рынках столицы. Миновали пленники и бойню в мясных рядах, откуда пахло чем-то похожим на парафин; там висят черные от мух внутренности, лежат большие красные шматы свеженарубленного, но уже потемневшего с утра мяса, стоят ободранные и нагие черепа коров и овец с безумным взглядом глупых голубых глаз, застыли туши оленей и свиной-пекари, с крюков свисают головой вниз утки, куропатки, попугаи и прочая местная дичь.

Им велели слезть с мулов и повели через толпу пешком. Потом они спустились по старым каменным ступеням, шагнули через стертый обмылок порожка и стальную калитку и оказались в холодном каменном подвале, где давно уже была тюрьма и где им предстояло занять место среди призраков заточенных здесь когда-то мучеников и патриотов, а затем калитка за ними с лязгом захлопнулась.

⁵¹ Говорят, койот – это злой дух. Часто бывает, что злой дух – он койот и есть. И индейцы тоже. Часто бывает, койоты дьявола призывают. А это что? Ничего. Филин. И все. Наверное (исп.).

⁵² Тамале, тамаль – лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили.

Когда глаза привыкли к темноте, стали различимы скорчившиеся вдоль стен фигуры. Кто-то ворочался на лежаках из сена, шурша, как потревоженные мыши в гнезде. Кто-то негромко похрапывал. Снаружи, с улицы, слышались грохот повозки и глухой топот копыт, а из кузницы в другой части подземелья через каменные стены доносился приглушенный звон молотков. Малец огляделся. На каменном полу в лужицах грязного жира тут и там валялись почерневшие кончики свечных фитилей, а со стен рядами свисали засохшие плевки. Несколько имен, нацарапанных там, куда падал свет. Он присел на корточки и потер глаза. Какой-то человек в нижнем белье прошел перед ним к параше посреди камеры, остановился и стал мочиться. Затем повернулся и подошел к мальцу. Высокий, волосы до плеч. Он шел, шаркая ногами по соломе, и остановился, глядя сверху вниз. Что, не узнаёшь?

Малец сплюнул, поднял голову и прищурился. Узнаю. Я твою шкуру и на дубильне узнал бы.

VI

На улицах – Меднозубый – Los heréticos⁵³ – Ветеран последней войны – Миер – Донифан – Захоронение липанов – Золотоискатели – Охотники за скальпами – Судья – Освобождение из тюрьмы – Et de ceo se mettent en le pays⁵⁴

На рассвете все поднялись с сена, уселись на корточки и равнодушно уставились на вновь прибывших. Полуголые, те цыкали зубами, сопели, ворочались и почесывались, как обезьяны. Скупой поток света обозначил в темноте высокое окошко, и раздались крики первого уличного торговца.

На завтрак дали холодного пиньоле, потом заковали в цепи, и под звон кандалов, распространяя вокруг жуткую вонь, все вышли на улицу. Надсмотрщик, золотозубый извращенец с арапником из сыромятной кожи, весь день гонял их по сточным канавам, заставляя на коленях собирать нечистоты. Под колесами тележек торговцев, под ногами нищих, волоча за собой мешки с отходами. После полудня они уселись в тень стены, съели обед и стали наблюдать за двумя льнувшими друг к другу собаками.

Как тебе городская жизнь? спросил Тоудвайн.

По мне, пока что она и гроша ломаного не стоит.

А я все жду, чтоб она меня очаровала, да вот не выходит никак.

Они исподтишка следили, как мимо идет надсмотрщик: руки за спиной, фуражка сдвинута на один глаз. Малец сплюнул.

Я первым его высмотрел, сказал Тоудвайн.

Кого это?

Сам знаешь кого. Вон его, старину Меднозубого.

Малец посмотрел вслед фланирующей фигуре.

Больше всего переживаю, как бы с ним чего не случилось. Каждый день молю Господа присматривать за ним.

И как же, по-твоему, выбираться из этой заварушки?

Выберемся. Здесь не в *cárcel*.

Что такое *cárcel*?

Тюрьма штата. Там есть старожилы, что попали туда еще в двадцатых.

Малец все глядел на собак.

Через некоторое время стражник снова пошел вдоль стены, пиная по ногам задремавших. Стражник помоложе держал винтовку наготове, будто эти закованные в цепи арестанты в лохмотьях могли взбунтоваться. *Vamonos, vamonos*⁵⁵, покрикивал он. Арестанты поднялись и, шаркая ногами, вышли на солнцепек. Под звон колокольчика по улице двигался экипаж. Они встали на обочине и сняли шляпы. Впереди шел служитель с колокольчиком. На боку экипажа был нарисован глаз, и четыре мула везли кого-то в последний путь. Позади ковылял толстый священник с образом. Стражники ходили между арестантами, срывая с голов новеньких шляпы и пихая их в руки этим нечестивцам.

⁵³ Еретики (*исп.*).

⁵⁴ «А в данном вопросе они полагаются на народ» (*ст.-фр.*) – юридическая формулировка; т. е. вопрос оставляется на решение присяжных.

⁵⁵ Давай, давай (*исп.*).

Когда экипаж проехал, они снова нахлобучили шляпы и побрели дальше. Собаки стояли там же хвост к хвосту. Чуть поодаль сидели еще две, чистые скелеты в потертых шкурах, поглядывали то на неразлучную парочку, то на удаляющихся под звон цепей арестантов. Все сверкало в знойном воздухе неярким блеском, все эти формы жизни, эти чудеса в миниатюре. Условные подобию, воссозданные с чужих слов, когда сами явления уже стерлись в памяти людской.

Он занял туюфак между Тоудвайном и еще одним уроженцем Кентукки, ветераном войны. Тот вернулся за темноглазой возлюбленной, оставленной два года назад, когда отряд Донифана уходил на восток в Сальтильо и офицерам пришлось отгонять сотни юных девушек, которые шли за армией, одетые мальчиками. Теперь он, бывало, стоял в цепях на улице, одинокий и удивительно скромный, и смотрел куда-то поверх голов городских жителей. Вечерами этот симпатичный и немногословный вояка рассказывал о годах, проведенных на западе. Участник сражения при Миере⁵⁶, где бой шел, пока по керамическим водоотводам, канавам и желобам с *azoteas*⁵⁷ не потекла галлонами кровь, он рассказывал, как рассыпались от выстрелов хрупкие старинные испанские колокола, как он сидел, прислонившись к стене и вытянув на булыжную мостовую перед собой развороченную ногу, и прислушивался к затишью в стрельбе, как потом это затишье обернулось странной тишиной и в этой тишине нарастал басовитый грохот, который он принял за раскат грома, пока из-за угла не вылетело пушечное ядро, проскакало мимо по камням, словно укатившаяся миска, и исчезло из виду. Поведал он и о том, как они, отряд нерегулярных войск, шли в бой в лохмотьях и нижнем белье и как взяли Чиуауа, как сбежавшими солдками катились, подпрыгивая, по траве пушечные ядра, отлитые из чистой меди, и как уклоняться или перешагивать через них научились даже лошади; как городские дамы в легких экипажах выезжали на холмы, устраивали пикники и наблюдали за битвой, и как по ночам, сидя у костров, солдаты слышали на равнине стоны и видели фонарь похоронной повозки, которая двигалась среди умирающих катафалком с того света.

Смелости им не занимать, рассказывал ветеран, но воевать не умеют. Выберут одну позицию и держатся. Слышали, наверно, что их якобы находили прикованными к сошникам пушек, передкам? Если и правда, мне такого видеть не приходилось. Мы из их орудий порох набирали. Ворота подрывать. Видок у этих вояк был – что твои крысы ободранные. Не знал, что мексиканцы бывают такие белые. На колени перед нами бросались, ноги целовали – чего только не вытворяли. Старина Билл их просто отпускал с Богом. Он и не представлял, черт возьми, на что они способны. Велел только, чтоб не воровали. Ну а они уж тащили все, что под руку попадет. Он как-то приказал выпороть парочку, те и загнулись через это, а на следующий день сбежала еще одна шайка, несколько мулов с собой прихватила, тогда Билл взял и повесил этих болванов. Отчего они тоже преставились. Вот чего не думал не гадал, так это что сам тут окажусь.

Они сидели при свече, скрестив ноги, и ели пальцами из глиняных плошек. Малец, ковыряясь в миске, поднял голову.

Это чего?

Первоклассное бычье мясо, сынок. С корриды. Только в воскресенье вечером и бывает. Жуй давай. Не позволяй им почувствовать, что ты слаб.

И он жевал. Жевал и рассказывал о стычке с команчами, а они слушали и кивали.

Меня, слава богу, такие пляски обошли стороной, сказал ветеран. Вот уж жестокие, сукины дети. Слышал я про одного парня из Льяно, что недалеко от голландских поселений, так они поймали его, забрали коня и все остальное. И отпустили добираться домой на своих

⁵⁶ Во время конфликта Мексики с Республикой Техас у городка Миер близ реки Рио-Гранде 23 декабря 1842 г. произошло 24-часовое сражение, в котором мексиканцы потеряли около 800 человек.

⁵⁷ Дом с плоской крышей (*исп.*).

двоих. Он приполз на карачках, в чем мать родила во Фредриксбург дней через шесть, и представляете, что они сделали? Срезали ему мясо со ступней.

Тоудвайн покачал головой.

Уж Грэннирэт их знает, кивнул он мальцу на ветерана. Имел с ними дело. Верно, Грэнни?

А-а, пристрелил несколько, когда они пытались украсть лошадей, вот и все, отмахнулся тот. Возле Сальтильо. Ничего особенного. Там пещера была – захоронение липанов. И сидело их там, этих индейцев, наверное, с тысячу. В лучших одеждах, с одеялами и прочее. Луки, ножи, много чего. Бусы. Так мексиканцы все растащили. Раздели их догола. И все унесли. При- таскивали этих индейцев целиком домой и ставили в углу как есть разодетыми. Но те, когда их вынесли из пещеры на воздух, стали разлагаться, и пришлось их выбросить. Последними какие-то американцы туда заявили, сняли скальпы с того, что осталось, и попытались толкнуть их в Дуранго. Может, им и удалось, не знаю. Думаю, некоторые из этих индейцев умерли лет сто назад.

Сложенной пополам лепешкой Тоудвайн обтирал с плоски жир. Прищурившись, глянул на мальчика в свете свечи. Как думаешь, сколько дадут за зубы старины Меднозубого?

* * *

Им встречались покрытые заплатками «аргонавты» из Штатов, что проезжали по улицам на мулах, направляясь через горы к побережью. Золотоискатели. Бродячие вырожда, они просачивались на запад, словно идущая вслед за солнцем чума. Кивали арестантам, заводили разговор и бросали на дорогу табак и монеты.

Попадались им на глаза и черноглазые молодые девицы с накрашенными лицами – они разгуливали под ручку, покуривая маленькие сигары и нахально плясь. Как-то видели и самого губернатора: чопорный и официальный, он с грохотом выезжал из двойных ворот дворцового двора в одноместной двуколке с шелковыми средниками окон. А однажды увидели отряд полупьяных, заросших бородами всадников, что гарцевали по улицам на неподкованных индейских мустангах, и вид их не предвещал ничего хорошего; в одежде из шкур, схваченных жилами, вооруженные чем ни попадя – тяжеленные револьверы, ножи «боуи» величиной с саблю шотландских горцев и короткие двуствольные винтовки, в стволы которых влезал большой палец, сбруя лошадей выделана из человеческой кожи, поводья сплетены из человеческих волос и украшены человеческими зубами, на самих же всадниках красовались наплечники или ожерелья из засушенных и почерневших человеческих ушей, лошади – казалось, необъезженные – озирались и скалили зубы, как дикие собаки. Еще вместе с ними ехали, покачиваясь в седлах, несколько полуобнаженных, внушающих страх, грязных, жестоких дикарей, и вся эта компания напоминала пришельцев из некоей языческой земли, где они и им подобные питаются человеческой плотью.

Впереди всех, громадный, с ребяческим выражением голого лица, ехал судья. На его щеках играл румянец, он улыбался и кланялся дамам, снимая засаленную шляпу. Обнажаясь, огромный купол его головы ослеплял белизной и четкостью и казался нарисованным. Вместе со всем этим вонючим сбродом он продефилировал по застывшим в изумлении улицам к губернаторскому дворцу, где их предводитель, невысокий черноволосый человек, ударил сапогом по дубовым воротам, чтобы их впустили. Ворота тут же открыли, и они въехали внутрь, въехали все, и ворота закрылись вновь.

Джентльмены, воскликнул Тоудвайн, я прямкакпитьдатызнаю, что там затевается! Это я вам гарантирую.

На следующий день судья вместе с остальными стоял на улице, держа в зубах сигару и покачиваясь на каблуках хороших сапог из козлиной кожи. Он рассматривал арестантов, которые ползали в канаве на коленях и выгребали отбросы голыми руками. Малец наблюдал

за судьей. Тот встретился с ним взглядом, вынул сигару изо рта и улыбнулся. Или мальцу так показалось. Потом судья вставил сигару обратно в рот.

В тот вечер Тоудвайн собрал их, они скорчились у стены и зашептались.

Его зовут Глэнтон, сообщил Тоудвайн. У него контракт с Триасом, губернатором. Ему обещали по сотне долларов за скальп и тысячу за голову Гомеса. Я сказал, что нас трое. Джентльмены, скоро мы выберемся из этой вонючей дыры.

У нас и экипировки никакой нет.

Он знает. Говорит, что возьмет любого, если это человек что надо, и вычтет из его доли. Так что смотрите не проговоритесь, что вы не бывалые истребители индейцев, я-то сказал, что лучше нас троих не сыскать.

Три дня спустя они ехали цепью по улицам с губернатором и его окружением, губернатор на бледно-сером жеребце, а головорезы на своих малорослых боевых мустангах, все улыбались и кланялись, миловидные смуглые девицы бросали из окон цветы, некоторые посылали воздушные поцелуи, рядом бежали мальчишки, старики махали шляпами и кричали «ура!», а замыкали процессию Тоудвайн, малец и ветеран, причем ноги ветерана в тападеро⁵⁸ почти касались земли, до того они были длинные и до того низкорослая была лошадь. Так они доехали до окраины города, где у старого каменного акведука состоялась незатейливая церемония, в ходе которой губернатор благословил их, выпив за их здоровье, и они выехали на дорогу, ведущую вглубь страны.

⁵⁸ *Тападеро* – кожаные чехлы, закрывающие спереди стремяна мексиканского седла.

VII

***Джексон черный и Джексон белый – Встреча на
окраине – Кольты Уитнивилля⁵⁹ – Отстрел – Судья
среди спорщиков – Делавары – Вандименец – Гасиенда
– Городок Корралитос – *Pasajeros de un país antiguo*⁶⁰
– Сцена резни – *Hiccius Doccius*⁶¹ – Предсказание
судьбы – Без колес по темной реке – Губительный
ветер – *Tertium quid*⁶² – Городок Ханос – Глэнтон
снимает скальп – На сцену выходит Джексон***

В отряде было двое по фамилии Джексон, один черный, другой белый, и обоих звали Джон. Их разделяла давняя вражда; когда они уже ехали среди пустынных гор, белый нарочно отставал, чтобы поравняться с черным, и, держась в тени его фигуры, уж сколько было этой тени, что-то ему нашептывал. Черный останавливал лошадь или резко посылал ее вперед, чтобы отвязаться. Белый словно желал надругаться над его личностью, случайно обнаружив дремавшее в темной крови или темной душе черного ритуальное представление о том, что, вставая на его тень, отбрасываемую на каменистую землю и несущую в себе что-то от него самого, белый подвергает его опасности. Белый смеялся и мурлыкал что-то вполголоса, будто слова любви. Все наблюдали за ними – интересно же, чем это кончится, – но никто не пытался одернуть ни того ни другого, а Глэнтон, который время от времени оборачивался и окидывал взглядом колонну, похоже, просто отмечал их присутствие и ехал дальше.

Утром того дня отряд собрался за домом на окраине города. Двое вытащили из фургона оружейный ящик; трафаретные надписи гласили, что он из арсенала в Батон-Руже. Прусский еврей по имени Шпейер вскрыл ящик копытными щипцами и молотком и вынул что-то плоское, завернутое в коричневую бумагу, просвечивавшую от смазки, похожую на вошанку. Глэнтон развернул пакет, и бумага упала на землю. В руке у него оказался патентованный длинноствольный шестизарядный кольт. Этот внушительный револьвер с винтовочным зарядом в продолговатых барабанах предназначался для драгун и в снаряженном состоянии весил почти пять фунтов. Пущенная из него коническая пуля весом в пол-унции пробивала шесть дюймов дерева твердых пород, а в ящике таких пистолетов было четыре дюжины. Шпейер распечатывал мульды для отливки пуль, пороховницы и принадлежности, а судья Холден разворачивал еще один револьвер. Все столпились вокруг. Глэнтон протер ствол и пороховые камеры и взял у Шпейера пороховницу.

Смотрится что надо, заметил кто-то.

Глэнтон засыпал порох, вставил пулю и загнал ее шомполом, прикрепленным на рычаге под стволом. Когда все камеры были заряжены, он вставил капсули и огляделся. Кроме коммерсантов и покупателей, во дворе было еще немало живых существ. Сначала взгляд Глэнтона

⁵⁹ «Драгунский уитнивилль-хартфорд» – усовершенствованный вариант легендарного «драгунского уокера-кольта», созданного Сэмом Кольтом и техасским рейнджером Сэмюэлом Уокером. Производился лишь в конце 1847 – начале 1848 г., и вся партия из 240 пистолетов была тут же раскуплена.

⁶⁰ Странники из древней страны (исп.).

⁶¹ *Hiccius doccius* (от *Hicce est doctus*, «это мудрец») – искаженное латинское выражение, обозначающее фокусника, а также возглас фокусника или жонглера во время исполнения номера.

⁶² Нечто третье (лат.).

упал на кошку, которая в тот самый момент бесшумно, точно птица, взлетела на высокую стену с другой стороны. Повернулась и стала пробираться среди осколков битого стекла, укрепленных стоймя в глинобитной кладке. Глэнтон одной рукой нацелил огромный пистолет и большим пальцем взвел курок. Мертвую тишину разорвал оглушительный выстрел. Кошка исчезла. Ни крови, ни крика – ее просто не стало. Шпейер беспокойно глянул на мексиканцев. Они не сводили глаз с Глэнтон. Тот снова взвел курок и повернул пистолет в другую сторону. Куры, клевавшие что-то в сухой пыли в углу двора, нервно замерли, наклонив головы каждая под своим углом. Грохнул выстрел, и одна птица разлетелась целым облаком перьев. Остальные молча забегали по двору, вытянув длинные шеи. Он выстрелил еще раз. Вторая птица шлепнулась на спину и задергала лапами. Остальные захлопали крыльями, пронзительно кудахча, а Глэнтон перевел револьвер и застрелил козленка, что в страхе прижался горлом к стене, и козленок мешком свалился в пыль, затем Глэнтон нацелил на глиняный *garrafa*⁶³, который рассыпался дождем черепков и воды, потом, взяв выше, повернулся к дому, и в глинобитной башенке над крышей ожил колокол; невеселый звон еще долго разносился вокруг, когда стихло эхо выстрелов.

Над двором повисла серая пелена порохового дыма. Глэнтон перевел курок на полувзвод, вертанул барабан и опустил курок снова. В дверном проеме показалась женщина, один мексиканец что-то сказал ей, и она снова исчезла.

Глэнтон посмотрел на Холдена, потом на Шпейера. Еврей нервно улыбался.

Они не стоят пятидесяти долларов.

Шпейер помрачнел.

А твоя жизнь сколько стоит?

В Техасе пять сотен, но вексель на эту сумму тебе придется дисконтировать своей задницей.

Мистер Риддл считает, что это хорошая цена.

Платит не мистер Риддл.

Он вкладывается.

Глэнтон повертел пистолет в руках, осмотрел.

Я считал, что обо всем уже договорились, настаивал Шпейер.

Ни о чем мы не договорились.

Это военный заказ. Ты такого больше не встретишь.

Пока деньги не перейдут из рук в руки, ни о чем мы не договорились.

С улицы показался отряд солдат, человек десять-двенадцать, с оружием наперевес.

*Qué pasa aquí?*⁶⁴

Глэнтон равнодушно глянул на них.

Nada, сказал Шпейер. *Todo va bien*⁶⁵.

Bien? Сержант посмотрел на мертвых птиц, на козленка.

В двери снова появилась женщина.

Está bien, вставил Холден. *Negocios del Gobernador*⁶⁶.

Сержант посмотрел на них, потом на женщину в дверях.

*Somos amigos del Señor Riddle*⁶⁷, сказал Шпейер.

*Ándale*⁶⁸, буркнул Глэнтон. Вместе со своими недоделками черномазыми.

⁶³ Кувшин (*исп.*).

⁶⁴ Что здесь происходит? (*исп.*)

⁶⁵ Ничего. Все в порядке (*исп.*).

⁶⁶ Все в порядке. Дела губернатора (*исп.*).

⁶⁷ Мы – друзья господина Риддла (*исп.*).

⁶⁸ Вали отсюда (*исп.*).

Приняв начальственный вид, сержант шагнул вперед. Глэнтон сплюнул. Уже подошел судья и, отведя сержанта в сторону, завел с ним разговор. Сержант доходил ему до подмышек; судья задушевно беседовал с ним и оживленно жестикулировал. Солдаты с мушкетами присели в пыли на корточки, равнодушно взирая на судью.

Не давай этому сукину сыну денег, бросил Глэнтон.

Но судья уже выводил того вперед для официального представления.

*Le presento al sargento Aguilar*⁶⁹, громко провозгласил он, прижимая к себе вояку-оборванца. Сержант с очень серьезным видом протянул руку. Эта рука заняла все пространство и внимание окружающих, словно требовалось признать ее юридическую силу, и тогда вперед вышел Шпейер и пожал ее.

*Mucho gusto*⁷⁰.

*Igualmente*⁷¹, произнес сержант.

Судья переходил с ним от одного бойца к другому, сержант держался официально, а американы вполголоса бормотали непристойности или молча качали головами. Солдаты, сидя на корточках, с тем же вялым интересом следили за каждым движением этой загадочной церемонии. Наконец судья подошел к чернокожему.

Темное сердитое лицо. Всмотревшись в него, судья притянул сержанта к себе, чтобы тому лучше было видно, и пустился в пространные разъяснения по-испански. Он обрисовал сержанту сомнительную карьеру стоявшего перед ними человека, с удивительной ловкостью чертя руками формы всевозможных путей, что сошлись в нем по высшей воле сущего – как он выразился, – подобно нитям, продетым через кольцо. Он ссылаясь на детей Хамовых, на потерянные колена Израилевы, цитировал из древнегреческих поэтов, оперировал суждениями антропологов о распространении народов через их рассеяние и изоляцию по причине геологического катаклизма и давал оценку обычаев разных народов относительно воздействия климата и географического расположения. Сержант выслушал все это и многое другое с огромным вниманием и, когда судья закончил, шагнул вперед и протянул руку.

Джексон не обратил на него внимания. Он смотрел на судью.

Что ты ему сказал, Холден?

Не оскорбляй его, дружище.

Что ты ему сказал?

Лицо сержанта помрачнело. Судья приобнял его за плечи и, наклонившись, что-то сказал на ухо. Сержант кивнул, отступил на шаг и отдал негру честь.

Что ты ему сказал, Холден?

Что там, откуда ты родом, не принято здороваться за руку.

До этого. Что ты сказал ему до этого?

В данном случае, улыбнулся судья, нет нужды доводить до обвиняемых факты, касающиеся их дела, ибо их деяния – понимают они это или нет – в конечном счете будут принадлежать истории. Но по соображениям верности принципам эти факты – в той мере, в какой это возможно, – должны быть изложены в присутствии третьего лица. Сержант Агилар как раз и является оным лицом, и любое проявление неуважения к исполняемым им обязанностям есть нечто вторичное по сравнению с расхождениями в том гораздо более широком протоколе, выполнения которого требует строгий план абсолютной судьбы. Природа слов материальна. Его нельзя лишить слов, которыми он обладает. Их власть выше его непонимания.

Лоб негра покрылся испариной. На виске у него запалом билась темная жилка. Отряд молча слушал судью. Кто-то ухмылялся. Полубезумный киллер из Миссури тихонько ахал, как

⁶⁹ Разрешите представить сержанта Агилара (*исп.*).

⁷⁰ Очень приятно (*исп.*).

⁷¹ Взаимно (*исп.*).

астматик. Судья вновь повернулся к сержанту, они поговорили, потом вместе прошли к ящику, что стоял во дворе, судья показал сержанту один из пистолетов и с величайшим терпением объяснил, как он действует. Люди сержанта уже поднялись и ждали стоя. У ворот судья вложил в ладонь Агилару несколько монет, официально пожал руку каждому из его оборванцев-подчиненных, сделал комплимент насчет их военной выправки, после чего они вышли на улицу.

В полдень отряд, в котором все были вооружены парой этих пистолетов, выехал, как уже упоминалось, на дорогу, что вела вглубь страны.

* * *

Вечером вернулись высланные вперед на разведку; все впервые за день спешили в одной из редких низинок и, пока Глэнтон беседовал с разведчиками, стали осматривать лошадей. Затем поехали дальше, а с наступлением темноты разбили лагерь. Тоудвайн с ветераном и мальцом сидели на корточках чуть поодаль от костров. Они не знали, что вошли в состав отряда взамен троих убитых в пустыне. Они наблюдали за делаварами; в отряде их было несколько, они тоже расположились чуть особняком, поджав под себя пятки, один камнем толк зерна кофе на оленьей шкуре, а остальные сидели, уставившись в огонь черными, как винтовочные дула, глазами. В тот вечер малец видел, как один делавар шарил в горячих угольях, ища уголек нужного размера, чтобы прикурить трубку.

Утром они поднялись еще до рассвета и, едва стало возможно что-то разглядеть в темноте, поймали и оседлали лошадей. Зазубренные вершины под лучами зари отливали чистой голубизной, вокруг щебетали птицы, солнце застало на западе луну, и они расположились друг против друга над землей, – раскаленное добела солнце и луна, его бледная копия, – словно края одного отверстия, за пределами которого пылали невообразимые миры. Когда под чуть слышное побрякивание оружия и позвякивание уздечек всадники цепочкой по одному проезжали через заросли мескитовых деревьев и пираканы, солнце взобралось выше, луна закатилась, от покрытых росой лошадей и мулов шел пар, и от их теней тоже.

Тоудвайн разговорился с беглым из Земли Ван-Димена⁷² по имени Баткэт, который появился на западе, удрав из тюрьмы. Родом из Уэльса, он имел всего три пальца на правой руке и совсем немного зубов. Возможно, в Тоудвайне он увидел такого же беглого – безухого и заклеянного преступника, выбравшего в жизни почти тот же удел, что и он сам, – и предложил поспорить, который из двух Джексонів убьет другого.

Я этих ребят не знаю, сказал Тоудвайн.

Ну, а как думаешь?

Спокойно сплюнув в сторону, Тоудвайн глянул на собеседника. Неохота мне спорить.

Не любишь азартные игры?

Смотря какие.

Черномазый его пришьет. А ты бы на кого поставил?

Тоудвайн посмотрел на этого устрашающего громилу. Ожерелье из человеческих ушей, похожее на связку черных сушеных фиг. Одно веко свисает на глаз – ножом порезали, в экипировке сплошной разнобой: одни вещи великолепные, другие – никуда не годные. Хорошие сапоги, прекрасная винтовка с мельхиоровой отделкой, но висит эта винтовка в отпоротом голенище, и рубашка уже не рубашка, а одни лохмотья, да и шляпа провоняла.

Нет, не охотился ты на аборигенов раньше, заявил Баткэт.

Кто тебе сказал?

⁷² Земля Ван-Димена – так европейцы изначально называли открытый в 1642 г. Абе́лем Тасма́ном и названный им в честь генерал-губернатора голландской Восточной Индии остров Тасмания. В 1803 г. остров захватили англичане и устроили там исправительную колонию.

Сам знаю.

Тоудвайн промолчал.

Еще увидишь, какие они шустрые.

Да уж наслышан.

Многое теперь не так, как раньше, усмехнулся вандименец. Когда я впервые появился в этих краях, в Сан-Саба встречались дикари, которые и белых-то не видали. Пришли к нам в лагерь, мы поделились с ними едой, а они от наших ножей глаз отвести не могут. На следующий день приводят в лагерь лошадей связками, меняться. А мы и в толк не возьмем, чего им надо. Ведь какие-никакие, свои ножи у них были. Оказалось, видишь ли, никогда не видели распиленных костей в тушеном мясе.

Тоудвайн бросил взгляд на лоб Баткэта, но лоб скрывала надвинутая чуть ли не на глаза шляпа. Усмехнувшись, Баткэт большим пальцем немного сдвинул шляпу на затылок. На лбу шрамом отпечатался след от шляпы, больше никаких меток не было. Лишь на внутренней стороне руки был выколот номер, но Тоудвайну суждено было увидеть его только в бане в Чиуауа, а потом еще раз – осенью того же года, когда он срезал труп Баткэта, подвешенный за ноги на древесном суку на просторах Пимерия Альта.

Миновав низкорослую рощицу шипастых кактусов чолья и нопаль и каменный просвет в горной цепи, они спустились по склону, поросшему цветущей полынью и алоэ. Потом пересекли широкую равнину, где среди пырея торчали стебли юкки. Серые каменные стены тянулись по склонам вдоль хребта, а потом от них остались лишь скатившиеся в долину глыбы. Отряд не устраивал ни полуденного привала, ни послеполуденной сиесты. На востоке, в горловине между гор, среди бела дня примостилась коробочкой хлопка луна, и отряд продолжал двигаться вперед, даже когда она обогнала их в полночном зените, обозначив внизу, на голубой камее равнины, формы этих жутких пилигримов, которые с лязгом и бряцанием продолжали свой путь на север.

Ночь они провели в загоне для скота на гасиенде; дозорные жгли сигнальные костры на плоской крыше. Группу *campesinos*⁷³, забитых до смерти две недели назад их же мотыгами, уже успели обглодать свиньи, апачи забрали весь скот, который можно было угнать, и скрылись в холмах. Глэнтон приказал зарезать козу, что и было сделано тут же, в загоне, на глазах у шарахавшихся и дрожавших лошадей. Сидя на корточках в ярких вспышках костров, бойцы жарили мясо, ели его с ножей, вытирали пальцы о волосы и устраивались спать на утоптанной глине.

В сумерках третьего дня они въехали в городок Корралитос. Лошади загребали копытами спекшуюся золу, солнце красно вспыхивало сквозь дымы. На фоне пепельно-серого неба выстроились трубы плавильных печей, а в мрачной тени холмов мерцали округлые огни горнов. Днем прошел дождь, свет из окон глинобитных домишек отражался в лужах на залитой дороге, и перед лошадьми с хрюканьем поднимались большущие, измазанные в грязи свиньи, похожие на неуклюжих демонов, обращенных в бегство из трясины. Дома были с бойницами и парапетами, а в воздухе висели пары мышьяка. Люди, высыпавшие на улицы посмотреть на «техасцев», как они их называли, торжественно стояли вдоль дороги, отмечая малейшие их движения с благоговейным страхом и любопытством.

Они разбили лагерь на главной площади, дымом костров черня тополя и прогоняя спавших птиц. Языки пламени освещали убогий городишко до самых темных уголков, и на улицу выходили даже слепые, которые семенили, вытянув руки, к этому яркому, как дневной, свету. Глэнтон вместе с судьей и братьями Браун отправились на гасиенду генерала Сулоаги⁷⁴, где в их честь был устроен прием и дан ужин, и ночь прошла без происшествий.

⁷³ Крестьян (исп.).

⁷⁴ Феликс Мария Сулоага (1803 – 1898) – мексиканский генерал, принимавший участие в кампаниях против апачей и

Наутро, когда они, оседлав коней, собрались на площади, готовые ехать дальше, к ним обратилась семья бродячих фокусников, которым нужно было добраться аж до Ханоса. Глэнтон, сидевший верхом во главе колонны, оглядел их. Пожитки в потрепанных коробах, привязанные на спины трех *burros*⁷⁵, семья – муж, жена, мальчик-подросток и девушка. Цветастые клоунские костюмы с вышитыми звездами и полумесяцами, которые уже выцвели и побледили от дорожной пыли; настоящие бродяги, которых судьба забросила на эту злую землю. Старик подошел к Глэнтону и взялся за повод.

Прочь руки от лошади, рыкнул Глэнтон.

Старик не говорил по-английски, но сделал, как было велено, и начал излагать свою просьбу. Он жестикулировал и указывал назад, на остальных. Глэнтон смотрел на него, но было непонятно, слышал ли он хоть слово. Повернувшись, взглянул на юношу и двух женщин и снова воззрился сверху вниз на старика.

Вы кто такие?

Старик выставил ухо в сторону Глэнтон, глядя на него снизу вверх и разинув рот.

Я сказал, кто вы такие? Шоу?

Тот обернулся к остальным.

Шоу, повторил Глэнтон. *Bufones*⁷⁶.

Лицо старика просветлело. *Sí*

команчей.

⁷⁵ Ослов (*исп.*).

⁷⁶ Шуты, клоуны (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.